

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ТЕЛЕСКОПЪ

I

ОБОЗРѢНІЕ

ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(окончаніе)

Какъ вообще жизнь Испанцевъ, такъ и литературный характеръ ихъ, имѣющъ въ себѣ нѣчто романтическое, иногда гигантское. Вспомните Камосенса, Эрциллу, Сервантеса, коихъ произведенія писаны или при громѣ оружія, или въ шюрьмѣ. Первый, пренебрегая всѣмъ прочимъ, спасъ сочиненіе свое отъ волнъ. Не понятно какъ могъ Лопецъ, при ограниченности средствъ своихъ, единственно съ пособіемъ неутомимаго труда, издать такое множество картъ, посредствомъ коихъ географія Испаніи въ первый разъ получила нѣсколько вѣрную форму. Достойна вниманія

жизнь двухъ друзей, Рохаса Клеменше и Мануэля-Абадіи Леблиха. Извѣстно, какъ они оба овостогились; но Рохасъ Клеменше не могъ ипакъ счастливо вынести обрѣзанія, какъ другъ его, почему и принужденъ былъ отказатьсѧ опѣ путешествія съ нимъ въ Африку, которое сей послѣдній предпринималъ, въ видѣ Арабскаго Принца, съ подложными, имъ самимъ составленными докуменшами. Не удивительно, что Шатобрианъ назвалъ его образованныйшимъ Туркомъ, какго онъ когда либо видѣлъ; но безъ свидѣтельствва многихъ еще въ живыхъ находящихся особъ, могло бы показаться баснею, что онъ въ Кадиксъ и окрестностяхъ его слылъ только прекраснымъ Мавромъ, къ коему женщины тѣснились за рассказами и лѣкарствами, и что ученаго Магистрала Кабреру, покушавшагосѧ обратиться его, привелъ въ шупикъ. Извѣстно, что самъ фаворитъ Годой въ минушу каприза покровительствовалъ тайнѣ мнимаго Мавра а).

Такъ-называемый Князь Мира, былъ дѣйствительно подверженъ спираннымъ капризамъ:

-
- а) Въ послѣдствіи Абадіи принужденъ былъ бѣжать во Францію, гдѣ и издалъ путешествія свои, если не ошибаюсь, въ 1822 году, не за долго предъ кончиною своею.

съ одной спороны запрешилъ онъ новое изданіе лучшей романпической эпопеи, Бернарда дель Карпю Бальбуены, за одинъ сѣпихъ, копорый намекалъ на шпранію временщика; а съ другой, дозволилъ липературныя произведенія и даже заведенія учебныя, весьма разпроспранившія просвѣщеніе и чрезъ то сдѣлавшія ненависпнѣе сѣполь чудовищное правленіе, каково было его. Но какую пользу получила чернь, когда, въ сѣпной мспительности разрушила, принадлежавшій Годою, бошанической садъ, находившійся подъ прекраснымъ небомъ Сан - Лукар - де - Барамеды, и шакже поступила въ послѣдшви съ весьма полезною дорогою, отъ Пуэрто Санша Маріа къ Сан-Лукару, копорой половина уже совершена была Французами, единспвенно пошому, что садъ принадлежалъ ненависпному временщику, а дорога была дѣломъ врага, если можно сказать, еще ненависпнѣйшаго?

Гореспно сознашся, что въ эпоху Годоя, просвѣщенію было гораздо лучше, чѣмъ при Фердинандѣ VII; и справедливостъ пребуешъ сказать, что, при Фердинандѣ VI и Карлѣ III, оно наслаждалось несравненно большею свободою. Еще въ половинѣ XVIII вѣка Дворъ защищаль дѣло здраваго разсудка, прошивъ посяга-

*

ній духовенства, упопреля для сей цѣли перо Кампоманеса и Флоридабланки, въ спорахъ съ Епископомъ Куенскимъ о судопроизводствѣ и погашеніи государственнаго долга. Въ слѣдствіе сихъ нововведеній разпространилась новая полипическая жизнь въ народѣ и когда Аббатъ Гандара спалъ по повелѣнію Короля, въ 1760 году, издавашъ шепрадами свои экономико-полипическія замѣчанія подъ заглавіемъ: *Открытыя и Закрытыя Двери*, то народъ пѣснился къ книжной лавкѣ, какъ къ лавкѣ хлѣбника во время голода. Правительство сочло нужнымъ дальнѣйшее изданіе ихъ, кошорое послѣдовало 1813 года въ Кадиксѣ. Тогда началъ и Ховелланосъ свое поприще; его школа объяснялась при Карлѣ III съ такою искренностью, какой щещно бы спали искашь нынѣ. Кпо наблюдалъ блескъ современныхъ царствованій Карла III, Фридриха II и Людовика XVI, къ концу Американской войны, равно какъ видимое спремненіе народовъ къ просвѣщенію; тошъ, не углубляясь въ шемныя изысканія, съ шрудомъ повѣрилъ бы споль быспрой перемѣнѣ сцены, сдѣлавшейся шакъ гибельною для самоспояшпельности мышленія.

Испанія не менѣе другихъ земель прешерпѣла ошъ революцій, умы ея уже начинали залешашъ, прежде нежели крылья ихъ

совершенно опустили. Не взирая на Французскую революцію, въ послѣднихъ годахъ осьмнадцатаго и первыхъ девятнадцатаго столѣтій, Испанцы почти вообще безопасно наслаждались спокойной жизнью. Кромѣ частію суровыхъ, частію нѣжныхъ тоновъ Квинтаны, Сіенфунгоса, Тапіи, Мелендеза и другихъ, Испанія имѣла много комиковъ, коихъ произведенія особенно были извѣстны въ пріятельскихъ общесѣвахъ, изъ коихъ не всегда проникали къ читающей публикѣ. Такъ въ Кадиксѣ при мнѣ хвалили, въ общесѣвѣ Маркиза де Паньи, *Войну Кошекъ и Мышей*—(содержаніе по крайней мѣрѣ естественнѣе Войны Мышей и Лягушекъ!) — и многія другія мелкія стихотворенія, изъ коихъ нѣкошорыя я самъ видѣлъ въ рукописяхъ; манускриптъ же *Войны Кошекъ и Мышей* вѣроятно заперянъ. Къ тому же времени принадлежашъ: *Посмодія*, *Вывороженная Араукана* и ш. п., равно какъ преданія объ оспропахъ Квеведоса, кошорыя, по причинѣ ихъ колкости, пропущены въ печатныхъ изданіяхъ, но сохранились въ изустныхъ преданіяхъ и рукописныхъ спискахъ, изъ коихъ многіе не избѣгли пламени. Благодаря имъ, Квеведосъ оспался шипомъ остроумія, хотя конечно не все, ему приписываемое, ему принадлежитъ дѣйствительно. Но вскорѣ протекли блаженные дни сіи и за ними послѣдо-

вали дни бурные. Духъ націи напрягся, патріотическія пѣсни одушевились пламенемъ, который засверкалъ также въ полиптическихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ. Августинъ Аргуеллесъ пріобрѣлъ тогда прозваніе Божественнаго, которое обратилось ему въ посмѣшище, когда онъ, при второй революціи, руководствуясь правилами умеренности, обратилъ наружную крошоспъ своего краснорѣчія для защищенія модерантизма. Ежедневные листки: *Редакторъ*, *Союзникъ*, и другіе, особенно періодическія изданія: *Пчела* и *Трибунъ*, содержали превосходныя спашьи. Издавався также нѣкошорое время, подъ покровительствомъ Маркиза Романы, въ округѣ арміи его, (въ Бадахозѣ 1811), *Военный Журналъ*, въ которомъ случайно произнесена была испина, чпо возспаніе Испанцевъ не еспъ собспвенно признакъ народнаго возрожденія, а должно бытъ почишаемо дѣйствіемъ раздраженнаго фанатизма. Хотя это и справедливо, но не менѣе должно сознапсъ, чпо истинную похвальную спорону сего возспанія составляло чувство національной независимости и ошвращеніе опъ ига Французовъ.

Между пѣмъ, среди двухъ партій *Вольнодумцевъ* и *Фанатиковъ*, раздиравшихъ Испанію, образовалась прешья изъ *Приверженцовъ Фран-*

иузскихъ (afrancesados), которая за общее презрѣніе, ей оказываемое, опмщала шѣмъ, чпо принимала видъ, будто слѣдуетъ превосходнѣйшему пупи образованности, руководствуясь примѣромъ Франціи. Одинъ изъ нихъ, и именно Мелендезъ, прославился извѣспною пѣснею, въ коей воспѣлъ паденіе Либераловъ: *Caído el loco bando* (*Пала безумная толпа*)! но пѣсня сія не предоохранила его ошъ горестнаго жребія умереть во Франціи изгнанникомъ. Другой, Бургось, удержался въ Мадридѣ и былъ столько ловокъ, чпо газета его, подъ заглавіемъ: *Смѣсь* (*Miscellanea*), которая въ то время могла почищаться либеральною, проходила врата ценсуры. Такъ какъ сія паршія, величаясь шѣмъ, чпо осмѣливалась, во время всеобщаго онѣмнѣнія, говорить въ полголоса, упрекала прошивниковъ, чпо они начепо тогда не сдѣлали для общаго блага; то ей отвѣчали, чпо надо имѣть слишкомъ малую душу, чпобъ довольствоваться изложеніемъ истины только въ половину, искажая ее въ добавокъ ласкашельствомъ; чпо самыя улучшения бывають осквернены гнилью, когда произшекають изъ нечиспаго источника; и наконецъ чпо не велика заслуга продолжать безсильное существованіе невѣжества безпрестанно возобновляемыми успупками. Не взирая на гибкоснѣ

свою, большая часть афранцезадосовъ осуждена была завидовать счастью немногихъ изъ собратій своихъ издали; только революція 1820 года опровергла имъ враша опечесива.

Ноедва перешли они чрезъ границу, какъ вспрѣ-пили повсюду прошивоборство своимъ иде-ямъ. Новый духъ націи, выработавшійся во время патріотическихъ войнъ съ Французами, объяснялся языкомъ сильнымъ, проспымъ, исполненнымъ чувства справедливости своего дѣла, языкомъ, который составлялъ эпоху въ липерашурѣ Испанской. За то старые либералы, Аргуеллесъ, Марпинезъ де ла Роза, Торено, съ ихъ сладкорѣчивыми лжеумствованиями, поперявъ всю довѣренность, при-спали къ пришельцамъ. Тогда изъ соединенія ихъ образовалась новая партія софисповъ, кои порѣваясь во всѣ спороны, предались наконецъ Правишельству. Они хвалились достоинствами слога, который однако не можетъ равняться съ лучшими словами *Зрителя* (*Espectador*) и другихъ прошивныхъ журналовъ. Главными корифеями ихъ были: Рейнозо, Бургосъ, Аббашъ Миньяно и Листа. Нельзя конечно съ сими послѣдними поспавить въ одинъ классъ Экс-Миниспровъ Короля Іосифа; но они согласны между собою въ духъ. Спо-ишь только внимательнѣе прочесть *Оправданіе*

Министровъ Азанзы и Офаррилла, да знаменитое твореніе Рейнозо *о Политическомъ Нарушеніи Вѣрности*; тогда окажется, что сіи оба сочиненія имѣютъ одно основаніе.

Школа сія отличалась особенно попеченіями о матеріальномъ благоденствіи народовъ. Слогъ ея конечно образованнѣе, нежели у другихъ Испанцевъ; но не свободенъ отъ галлицизмовъ. Въ то время, какъ Бургось попеременно былъ употребляемъ, въ дѣлахъ денежныхъ, то паршіею умѣренныхъ, то Дворомъ, Лиспа издавалъ въ духъ школы своей журналъ: *Безпристрастный*, гдѣ давалъ полную свободу своей ненависти къ либераламъ и не упускалъ съ большимъ успѣхомъ обращать въ пользу безпреспанныхъ ихъ ошибки. Между тѣмъ Миньяно обращалъ въ смѣхъ депуташовъ и власнъ народа, посредствомъ сатиры, къ коимъ наиболѣе былъ способенъ по своему легкому и колкому способу изясняться. Сей Миньяно былъ употребленъ въ 1823 году Фердинандомъ VII для того, чтобы издавать въ Байоннѣ Испанскую Газету. Хотя Миньяно и утверждалъ, что предпочелъ сей городъ, по причинѣ большой свободы и дешевизны типографіи; но цѣль Правительства была во первыхъ та, чтобы имѣть между Испанскими эмигрантами шпіона, во вторыхъ изда-

вашъ газету, которой объявленія казались бы вѣроятнѣе, а ругательства противъ Французовъ менѣе подвергались дипломатической отвѣтственности, не будучи офиціально одобрены, или по крайней мѣрѣ не имѣя при себѣ ценсурнаго позволенія. Революція 1830 года принудила Миньяно перенести главную квартиру свою въ С. Себастьянъ, гдѣ онъ, продолжая шутить и ругаться, помѣщалъ иногда въ журналъ своемъ занимательныя списиспическія и изящно-литературныя статьи, до тѣхъ поръ, какъ принужденъ былъ прекратить изданіе журнала, ибо его употребили на другія интриги. Около того же времени, окончилъ онъ свой Географическій Лексиконъ Испаніи, для составленія коего дозволено ему было требовать объясненій и пособія отъ всѣхъ начальствъ. Хотя сей Лексиконъ исполненъ ошибокъ, но при первомъ изданіи столь обширнаго творенія и при маломъ распространеніи географическихъ и списиспическихъ свѣдѣній въ Испаніи, ошибки сіи были неизбежны, и не столько навлекаютъ упрека издателю, какъ невѣрность и нерачишительная обработка картъ, къ сему Лексикону приложенныхъ. Бургосъ сдѣлался извѣстенъ прекраснымъ стихотворнымъ переводомъ Горация, статей изъ Французскаго Біографическаго Лексикона и Турешвой Исторіи Революцій Французскихъ,

содержащей замѣчанія относительно Испаніи. Лиспа издалъ для своего учебнаго заведенія въ Мадридѣ прекрасный курсъ Математики и переводъ Сегуровой Всеобщей Исторіи.

Таже самая школа издавала въ эпоху конспиріи полипическую газету: *Цензоръ*, которая, не взирая на свой анти-либеральный духъ, была вообще одобряема. Рейнозо принималъ участіе въ трудахъ Спанистической Комиссіи въ Кадиксѣ съ 1813 по 1821 годъ, равно какъ въ прекрасной Экономико - Полипической Газетѣ, которую, въ 1823 году, начало было издавать конспиріонное правительство. Въ 1827 году, когда введеніе въ Португаліи конспиріи, пребовало для объясненія видовъ Правительсва содѣйствія высшаго таланта, было препоручено Рейнозо написать нѣсколько статей въ Мадридскую Газету; но вскорѣ сіе прекратилось и упомянутая Газета спала вновь собраніемъ статей, опличающихся безжизненностью, къ коимъ Пашеръ Марпинецъ присоединялъ свои, жалуясь безпрестанно, что его принуждали читать безбожныя иностранныя газеты. Сей человекъ былъ очиницелемъ новаго плана ученія для Испаніи! Мадридская Газета оспалась наконецъ единственною въ Испаніи; но и ее обирали изъ кофейныхъ домовъ въ нѣкоторыхъ городахъ,

именно: въ Малагѣ, Валенціи и Барселлонѣ, по-тому что при чтеніи ея заводились полипическіе споры. Сверхъ того выходили въ Испаніи нѣкоторыя Коммерческіе Листки, особенно въ Кадиксѣ, и *Мадридскій Вѣстникъ*, содержавшій историческія и статистическія замѣчанія.

При всѣхъ затрудненіяхъ стремленіе къ литературнымъ трудамъ шпановилось ежедневно очевидно въ Испаніи; даже были изданы многія полезныя сочиненія. Но въ цѣломъ литература ограничивалась книгами поучительными, священными, переводами съ Французскаго, особенно медицинскихъ книгъ и нѣкоторыми, большею частію, незанимательными повѣстями. По сему Испанская Литература удалась изъ своего опечесшва и принесла въ Англію и Францію плоды свои; а ученые мужи Испанскіе были лучше оцѣнены въ земляхъ чуждыхъ, нежели въ своемъ благодарномъ опечесствѣ. Между ними оплечающіяся Математики Бауза и Бошаникъ Лагаска, копорый сдѣлалъ описаніе распеній, вокругъ Лондона произрастающихъ, принятое публикою съ величайшимъ одобреніемъ.

Для составленія себѣ идеи, хотя недоспа-почной о лучшихъ книгахъ, вышедшихъ въ печеніи послѣднихъ двадцати лѣтъ въ Испаніи, можно воспользоваться слѣдующимъ изчисленіемъ.

Въ отношеніи къ Исторіи, замѣчательно два новыя изданія Маріаны, одно въ 20, другое въ 8 томахъ; къ послѣднему принадлежишь одинъ томъ, содержащій продолженіе *Испанскій Исторіи* до новѣйшихъ временъ. Сей томъ, особенно продающійся, довольно хорошо написанъ. Новое изданіе Орпицева *Компендіума*, съ прибавленіемъ VIII тома, по недоспашку въ подписчикахъ, не послѣдовало въ печать. Пуядина *Хроника Каталоніи* доведена до VII части. Классическое пвореніе умершаго Конде о *владычествахъ Арабовъ въ Испаніи*, снова издано въ прехъ книгахъ. Для описанія *Исторіи Войны 1808 года* была соспавлена военная коммиссія, которая однакожь съ 1818 года принуждена была прекрашшь труды свои, по причинѣ многихъ запрудненій; а попому и сущеспвуешъ изъ сего пворенія только введеніе съ хронологическимъ обозрѣніемъ важнѣйшихъ сраженій и описаніемъ погдашняго соспоянія Испаніи въ военномъ отношеніи. Любобышны по сему предмету замѣчанія о разныхъ Англійскихъ Исторіяхъ сей Войны, изданныя Кангою - Аргуеллесомъ въ Лондонѣ. Также въ Мадридѣ 1830 вышло *Описаніе Осады Сарагоссы*. Уже давно сущеспвуешъ превосходный планъ сраженія Альбуферскаго, на двухъ лиспахъ изданный. Въ отношеніи

къ произшествіямъ Америки, замѣчательна, сказывають, книга, изданная въ Лондонѣ Экс-Депутатомъ Вадиллою, подъ заглавіемъ: *Замѣчанія о главнѣйшихъ произшествіяхъ, имѣвшихъ вліяніе на нынѣшнее состояніе Южной Америки*, цѣль коихъ составляетъ не столько Исторія Америки, какъ поведеніе Фердинанда VII и объясненіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ 1823 года. *Исторія Испанско-Американской Революціи*, сочиненіе Маріано-Торренсе, есть собраніе драгоцѣнныхъ извѣстій, писанное такъ безприспрасно, какъ только возможно въ Испаніи. Извѣстія Нуньеза о *Ріо дела-Плата* изданы въ Лондонѣ. О *Колумбіи* замѣчательно сочиненіе Респрето, Колумбійскаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, и *Исторія Максиканской Республики*, изданныя въ Парижѣ. Здѣсь же Морилло и Діазъ издали свои *Записки*. Замѣчательны *Тайныя Записки* Уллоа и Хорге Юана о древнемъ состояніи Америки, проливающія много свѣта на ея нынѣшнее положеніе, купленные въ Мадридѣ Англичаниномъ Барри и изданныя въ Лондонѣ. Для Испанскихъ Древностей любопытны *Замѣчанія къ Исторіи Древней Италіи* (Матупа) и о *Сеговійскомъ Водопроводѣ* (Самороспро). Опіосительно Біографій: *Достопамятности о Королевѣ Португальской, Шарлотѣ Бурбонской*, собранныя секретаремъ

ея Презасемъ; *Похвальное Слово Королевы Елисаветы Католической*, соч. Діега Клеменсина; новые переводы Бургоса изъ *Французской Всеобщей Біографіи*; новое изданіе Квинтановыхъ *Жизнеописаній Знаменитыхъ Мужей Испаніи*; *Жизнь Сервантеса*, Дона Марпина Фернандеза Наварешпы, изданная Королевскою Академіею съ портретомъ. Въ манускриптахъ находящся: *Хроника Великихъ Мужей Лассо* и *Испанскія Біографіи Моллинидо* и Корпины. Здѣсь также можно упомянуть о *Запискахъ*, изданныхъ во Франціи и на Французскомъ языкѣ, Адьюпаншомъ Гали и извѣстнымъ Іоанномъ Ван-Галеномъ, кошорые, во время похода 1823 года, находились при Генералѣ Минѣ.

Относительно Географіи и Спамписпики: извѣснаго Фернандеса Наварешпы, *Исторія Мореплаванія и Открытій Испанцевъ*, начиная съ XV столѣтія, гдѣ находящся извѣстія о Колумбѣ, не совсѣмъ согласныя съ Исторіею Вашингтона Ирвинга, почерпнутою также изъ достоверныхъ источниковъ. Спамписпическіе опыты Ардевола о городѣ Рейсѣ въ Кашалоніи, равно какъ Робле и Лопеза о такъ называемой горной споронѣ Толедо, суть творенія образцовыя. Извѣсны Географическія творенія Аншильона; недавно вышла очень хорошая *Физическая Географія* Полковника

Монпенегро, для упошребленія при военныхъ школахъ, съ двумя прекрасно выгравированными картами. *Историко-Политическія Картины Мадрита*, выходящія пепрадами съ 1831 года, были бы занимательнѣе, еслибъ издатели смѣле могли изъясняпсь. Ламарка изобразилъ характеръ жителей Валенціи и защитилъ опъ многихъ несправедливыхъ нареканій. Весьма важна, изданная Кабаньясомъ, *Поттовал Книга*; равно какъ издаваемый съ 1826 года Гидрографическимъ Депо *Морскій Альманахъ*, съ коимъ можно сравнить Феррепову книгу о *Причинахъ Упадка Испанскихъ Морскихъ Силъ*, и *Исторію Флота Испанскаго*, Салазара, бывшаго Министра. *Торговой Балансъ* ежегодно издается учрежденною на сей предметъ Комиссіею или Юншою. Людовикъ дель-Каспилло, прежній Испанскій Посланникъ при Дворѣ Россійскомъ и въ Конспаншинополѣ, сочинитель малоизвѣстной географико-испорической книги о *Состояніи Россіи*, издалъ для купечества Испанскаго занимательное *Обозрѣніе Торговли по Черному Морю*. Замѣчательно маленькое сочиненіе Овіды о *Государственномъ Долгѣ Испаніи*. Кромѣ сочиненій, издаваемыхъ Типографическимъ Депо, къ коимъ принадлежитъ и новое изданіе превосходныхъ картъ Испаніи, бывшій Министръ Луяндо издалъ карту Пролива Гибралтарскаго, снятую имъ самимъ, съ

объясненіями. Въ Парижѣ 1827 года вышелъ *Статистическій и Физическій Атласъ Колумбін.*

Въ отношеніи къ Политической Экономіи, Испанія не такъ отспала отъ другихъ, какъ обыкновенно думаютъ. Бѣда не въ томъ, чтобъ не знали, что должно дѣлать, и въ томъ, что дѣлать не могутъ или не хотятъ. Въ эпоху конспиріаціи, Гонзало де Луна, Доу и умный Казимиръ Орензе, писали цѣлыя ітеоріи и опдѣльныя практическія замѣчанія; но важнѣйшія въ семъ отношеніи произведенія суть *Основанія* Маркиза Валлезанторо, систематическія сочиненія Эспинозы и Флреза-Эспрады, наконецъ богатый замѣчаніями *Словарь Политической Экономіи*, бывшаго Министра Финансовъ, Канга Аргуеллеса. Сюда можно также причислить *Историко-Политическій Опытъ о Причинахъ Упадка Торговли, Земледѣлія и Промышленности въ Испаніи*, Доминго С. Марпина, и *Трактатъ* Фауста Эльгуяра о *Вліяніи Горныхъ Работъ на промышленность и народонаселеніе Мексики.*

Между сочиненіями по части Юриспруденціи, предъ всѣми опличаются классическія творенія Марины: извѣстны его *Кортесы*, *Трактатъ о Произхожденіи Монархій*, *Критическій Опытъ о древнемъ Законодательствѣ Кастиліи*, *Кри-*
Телеск. Ч. XII.

тическое Сужденіе о Законодательномъ Собраніи, Novísima Recopilación и Рѣчь о Патриотическихъ Обществахъ. Сюдажь относятся Лореншова *Исторія Инквизиціи*, къ коей также принадлежишь Марченова *Ручная Книга Инквизиторовъ*; его *Политическія Жизнеописанія Папъ и Конституція Духовенства*, копорыя навлекли ему пакъ много враговъ; имъ же изданы шворенія Епископа Лас-Казаса (изъ временъ Карла V); разумѣется, все сіе строго запрещено. Касательно Гражданскаго Законодательства Санчо Ламаса *Критическій Трактатъ объ изданіи Партидасовъ 1807 года* (запрещенъ); *Классическій Трактатъ о Законахъ*, Адвоката де Каспро; *Историческо-Критическій Опытъ о Наваррскомъ Законодательствѣ*, Зуазабара. Въ полипическомъ отношеніи замѣчательны Гермозилы: *Защищеніе Правъ Короля Фердинанда и Якобинизмъ.*

Касательно Военнаго Искусства достойны вниманія Ферразова *Кастраментация* и нѣкопоры мѣлкія спрагегическія сочиненія Эйснероса, между прочимъ *Примѣненіе Физической Географіи къ Стратегіи.*

Есть превосходныя Математическія книги, какъ то: Одріозолы *Чистая Математика*; Валлехо *Чистая и Прикладная Математика*; Риверо *Математическая Идеологія*; практашъ

Бригадира Переза Дельгадо объ одной *Испанской мпръ*, сходствующей съ мѣрической системою, именно объ *Испанскомъ локтѣ* (vara).

Изъ сочиненій, касающихся Естественной Исторіи и Химіи, замѣчательны: *Описаніе Альбуферскихъ Птицъ*, составленное Валенціею; *Описаніе Землетрясенія, бывшаго 1829 года въ Оригуелъ*; *Химическія Идеи* Лопеза Пинціано, маленькое, но доспопримѣчательное сочиненіе; *Опытъ Металлургіи*, Сарріа, (печатанный въ Мексикѣ).

По часпи Астрономіи, замѣчательна Обсерваторія Исла де Леона, какъ по управленію Директора Санхеза Зеркуеро и искусству вычислителя Гомеза, такъ и по точности, съ коей замѣчающся въ издающемся при ней Альманахѣ атмосферическія наблюденія.

Въ отношеніи къ Земледѣлію, заслуживають похвалу лекціи Сандаліо Аріаса, Директора Земледѣльческой Школы въ Мадридѣ, и разныя сочиненія опытнаго Бушелу. Замѣчательно маленькое сочиненіе Мануэля дель Ріо: *Пастушеская Жизнь или подробное описаніе Когующихъ Мериносовъ*.

Медицина почти наполнена одними переводами съ Французскаго, изъ копорыхъ составляютъ доспохвальное изключеніе *Медико-Хирургическія Декады*, выходящія съ 1821 года

въ Кадиксъ; здѣсь же съ 1830 года выходятъ очень хорошіе рисунки анатомическихъ препаратовъ. Хурпада де Мендоза издалъ недавно *Монографію Желтой Лихорадки*.

Перейдемъ теперь къ Филологіи и Эспешикъ. Испанія имѣетъ уже шестое изданіе своего *Академическаго Словаря*. *Морской Лексиконъ* изданъ снова на чешырехъ языкахъ (Французскомъ, Испанскомъ, Италіянскомъ и Англійскомъ). Переведенъ на Испанскій языкъ Граосіевъ *Военный Словарь*. *Испанскія Синонимы* Генри и *Словарь Кастильскихъ Синонимъ* Сициліи ободряются всѣми. Извѣстный по своему *Diccionario Critico Burlesco* (политическая сатира), Гальярдо, шрудился въ Севильѣ надъ новымъ полнѣйшимъ Лексикономъ. Поршугальскій языкъ обогатился Французскимъ Лексикономъ Конспанціо. Гермозилла издалъ въ Мадридѣ *Искусство хорошо говорить по Кастильски въ прозѣ и стихахъ*, въ коемъ однакожъ много лапинизмовъ и грецизмовъ. Переводъ Лонгинова шпракташа о *Высокомъ*, съ Испанскими примѣрами, вышелъ въ Кадиксъ. Собранія *Испанскихъ Образцовыхъ Сочиненій* выходили нѣсколько разъ; въ числѣ ихъ собраніе Аббата Мори съ Французскимъ переводомъ. На Поршугальскомъ языкѣ замѣчательно *Собраніе Прозаическихъ Отрывковъ*, составленное Французомъ Гамоньеромъ, и *Лузитан-*

скій *Ларнассъ*, изданный Боссанжемъ. Относительно новыхъ изданій древнихъ Испанскихъ и Португальскихъ Класиковъ, замѣчательны изданія *Арауканы*, *Сервантеса*, Лирика *Арриазы*, съ выньками; собраніе лучшихъ Испанскихъ *Романсовъ*, *Дюрана*; рѣчи *Переза-де-Олива* и *Амброзіо Моралеса*: великолѣпное изданіе *Камонса* въ Парижѣ у Дидо съ карпинами *Жерара*; новыя изданія поэповъ: *Кадальзо*, *Сіенфуэгоса*, *Квинтаны*, *Мелендеза*, *Иглези*, *Квиншана* еще живъ и сочинилъ по случаю бракосочетанія Короля Фердинанда въ 1829 году эпиграмму, гдѣ пищепно мечпалъ о надеждѣ всеобщаго примиренія. Боссанжъ собралъ Испанскія театральныя пьесы; но лучшее изданіе ихъ выходитъ въ Кадиксѣ и до 1831 года уже содержало 16 помовъ, въ каждомъ двѣ пьесы съ критическимъ разборомъ. 1831 года объявлено въ Мадридѣ о изданіи сочиненій *Ховелланоса*. Изъ современныхъ поэповъ *Маршинезь-де-ла-Роза* издалъ въ Парижѣ свои снпхошворенія, а *Горосшиза* свой театръ. *Донъ-Аргело Сааведра*, бранъ Герцога *Фріаса*, ошпичается между новѣйшими поэпами, своими лирическими опытами и трагедіею: *Лануза*, которая 1821 года была разыграна съ великимъ успѣхомъ, равно какъ трагедія другаго сочинителя: *Вдова Падильская*. Между вышедшими вновь снпхошворными произведеніями

замѣчательны: Описательная Поэма *Море*, въ 25 анакреонтическихъ одахъ, и *Времена года* Мора де Фуэншесъ; Стихотворенія и Саширы Переза дель Камино; и Стихотворенія Перейры де Суза Кальдаша. Неупомимый Мора издавалъ съ 1824 года въ печеніе нѣсколькихъ лѣтъ Альманахъ *Незабудку* съ картинками. Изъ повѣствовательныхъ стихотвореній замѣчательны: Гумары, *Рамиро Графъ Луценскій*, и *Фариголы, Луціана*. Между романами опличается *Гомезъ Аріасъ или Мавры въ горахъ Альпухарскихъ*, сочиненный Труэбою. Салеръ написалъ въ 1830 году *Шайки Кастильскія или Рыцарь Лебедя*, изъ временъ Іоанна II, и *Альвари де Луна*. Вообще страсть къ романамъ распространяется и въ Испаніи. Вайю издалъ *Освобожденіе Валенціи Сидомъ* и *Дьву Миссолонгскую*. Достойна примѣчанія по слогу и мыслямъ *Сесилія Борорквіа или Жертва Инквизиціи*, которая нынѣ строго запрещена. Въ комедіяхъ начинаешь дѣлаться извѣстнымъ молодой писатель въ Кадиксѣ, Флоресъ Арена. Изъ переводовъ заслуживающъ вниманіе: *Делия Состраданіе*, пер. Внруэса; *Буколики Виргилія*, пер. Хидальго; *Марія Меншикова Августа Лафонтена* и многіе другіе Нѣмецкіе романы. По части Пэщныхъ Искусствъ замѣчательны *Творенія Бермудеза*, между прочимъ о *Испанской Живописи и Живописцахъ*. Королевскій живопи-

пятидесяти лѣтъ и онъ на видъ былъ крѣпкого здоровья. Физиогномія его выражала опрятный, благородный характеръ спарыхъ эмигрантовъ и вмѣстѣ развращенную, но веселую жизнь и беззаботливость извѣстныхъ мушкеперовъ, споль славныхъ въ лѣтописяхъ изящнаго волокитства. Его поступъ, его манеры доказывали, что онъ не совсѣмъ опоздался отъ своей молодости и что рѣшился навсегда оспаться вѣрнымъ ролялизму, набожности и любви.

За нимъ шла фигура самая фантасмическая. Чтобы описать ее надлежащимъ образомъ, следовало бы изъ ней сдѣлать главное лицо картины, а здѣсь оно только побочное.

Представыте себѣ человека сухощаваго, худого, одѣтаго почъ въ почъ, какъ первый, но которъ былъ его опсвѣтомъ, или лучше, его тѣнью. Фракъ у одного былъ новъ, а у другого спаръ и изношенъ; пудра на головѣ не такъ бѣла, какъ у перваго; золопо лилій не такъ блестяще; галуны для эполетъ опчаянны и пощи; даже разумъ слабѣе и тѣло дряхлѣе, чѣмъ у перваго; словомъ къ нему чудесно опносится, что Ривароль сказалъ объ Шампсене: *«c'est tout clair de lune.»* Онъ былъ двойникъ перваго, но съ ную же разницею, какая сущесивуешъ между пер-

вымъ и послѣднимъ опискомъ одной и той-же липографіи.

Эпопъ нѣмой спарикъ былъ тайною для живописца и постоянно оспавался ею; ибо онъ самъ не говорилъ ни слова и никто не говорилъ объ немъ. Былъ ли то другъ?.. или бѣдный родшвенникъ?.. или человѣкъ, играющій при спаромъ любезникъ роль, какую компаньонка играетъ при спарухѣ? Занималъ ли онъ средину между собакой, попугаемъ и другомъ? Спасъ ли онъ имущество или жизнь своего благодѣтеля? Былъ ли то новый *Триль* какого нибудь новаго Капитана Товія?.. И въ Баронессѣ Рувиль, и во всѣхъ, онъ возбуждалъ любопытство, которое всегда оспавалось безъ удовлетворенія.

Мущина, поновѣе изъ сихъ двухъ развалинъ, подошелъ учтиво къ Баронессѣ, поцѣловалъ ея руку и сѣлъ подлѣ ней; а эпопъ поклонился и сѣлъ опѣ своего пипа на разспояннѣ двухъ стульевъ.

Аделаида облокошилась на кресла спараго дворянина, подражая безъ умысла положенію сестры Дидониной въ славной картинѣ Гереня. Спарикъ обходился съ Аделаидою, какъ братель; но шущъ его слишкомъ короткое обращеніе, казалось, ей не нравилось.

» Чпо ты на меня сердипа?« сказалъ онъ.

Попомъ въ продолженіи разговора бросалъ косвенные взгляды на Юлія, взгляды хипрые, шонкіе, дипломатическіе, обличающіе всегда оспорожную заботу.

—» Эпо нашъ сосѣдъ! « сказала спарая дама, указывая на Юлія Шиннера. »Онъ живописецъ знаменишый, и его имя, не смопря на ваше небреженіе къ искуссшвамъ, должно бышь вамъ извѣсно«..

Спарикъ, угадавъ въ пропускъ имени хипрую шпуку своей спарой пріяшельницы, поклонился молодому челоуьку.

»Конечно« — сказалъ онъ — »объ его карпинахъ много говорили на послѣдней выспавкѣ. Таланшъ имѣетъ свои права« — прибавилъ онъ, смопря на красный баншикъ Юлія — »и вы уже въ молодыхъ лѣшахъ получили знакъ, у насъ и кровью и долгою службой приобрьшаемый; но славы всѣ — сеспры между собой.«... Говоря эпо, онъ рукою пронулъ свой креспикъ Св. Людовика. Юлій прошепталъ благодарноспъ и опяшь умолкъ, довольствуюсь воспорженнымъ созерцаніемъ чудесной головы Аделаиды, копорая его занимала. Скоро онъ совсѣмъ погрузился въ эшу думу, забывъ всю наружную бѣдноспъ жилища; ибо для него одно лице Аделаиды выливалось на лучиспой ашмосферѣ. Онъ опрывиспо опвѣчалъ на сдѣланные ему вопросы, копорые дослышалъ шолько по спранной

способности нашей души двойитъ свою мысль. Съ кѣмъ не случилось, во время внутренняго сладострашнаго или печальнаго мечтанія, присутствовать при разговорѣ или чтеніи! Чудесная двойственностъ, частая помощница намъ въ бесѣдѣ скучныхъ! Радостная надежда прельщала Юлія тысячью мыслей о счастьи, и онъ не хотѣлъ глядѣть ни на что вокругъ себя, ибо въ немъ еще была душа дѣтская, душа довѣрчивая.

Спустя нѣсколько, онъ замѣшилъ, что спарая дама и ея дочь играли въ карты съ спарымъ дворяниномъ. Товарищъ сего послѣдняго, вѣрный своей роли, споялъ, какъ шѣнь, за своимъ другомъ и смотрѣлъ на его игру, опивѣчая на нѣмые вопросы игрока одобрительными гримасами, въ коихъ повпорялись вопросительныя движенія перваго.

»Я всегда проигрываю—« говорилъ спарикъ.

— »Вы не умѣете сбрасывать—« опивѣчала Баронесса.

»Вопъ ужъ при мѣсяца мы играемъ; а я еще ни одной паршій не выигралъ!«

— »Тузы у васъ?« спросила спарая дама.

»Да-съ, у меня!« ... сказалъ онъ.

— »Хошите, я вамъ посовѣшую?« спросила Аделаида.

»Нѣтъ, нѣтъ! оспавайся передо мной. Ужъ

для меня былобъ величайшего поперекю, не имѣшь тебя передъ собой.»

Кончивъ паршію, дворянинъ вынулъ кошелькъ и, бросивъ два лундора на столъ, сказалъ съ маленькой досадой:

»Сорокъ франковъ, чистое золоти! А! да ужъ одиннадцатъ часовъ!

— Ужъ одиннадцатъ часовъ!« повпорила нѣмая особа, смотря на Юлія Шиннера.

Молодой человѣкъ, услышавъ сіи слова, сказанныя вняшнѣ другихъ, подумалъ, что пора уйши. Войдя опяшь въ міръ обыкновенныхъ идей, онъ заговорилъ объ общихъ мѣспяхъ; потомъ поклонился Баронессѣ, дочери, двумъ незнакомцамъ, и вышелъ, преданный всему блаженству истинной любви, не разсуждая объ мѣлкихъ происшествіяхъ того вечера, передъ его глазами случившихся.

На другой день, душевно алкая видѣшь Аделаиду, онъ бы рѣшился, еслибъ послѣдовалъ своей спраспи, идти къ сосѣдкамъ въ шестъ часовъ утра; но благоразумно отсрочилъ свое посѣщеніе до полудня.

Когда пришло это время, онъ сошелъ внизъ, позвонилъ, чувствуя сильное біеніе сердца, и, покраснѣвъ, какъ дѣвушка, робко спросилъ портрешъ Барона Рувиля у Аделанды, кошорая ему отворила дверь.

»Войдите же!« сказала она, вѣрно слышавъ, какъ Юлій сходилъ съ своей мастерской. И живописецъ пошелъ за ней, робко, спыдливо, не зная, что скажетъ: такъ сила блаженства опнивала у него умъ. Видѣвъ Аделаиду, слышавъ шумъ ея плашья, послѣ цѣлаго ушра желаній быть при ней, послѣ спокрашнаго повпоренія: сойду! на что онъ такъ долго не могъ рѣшиться—все это было для него такою роскошью жизни, что опъ восхищеній сего рода, будь онъ продолжительнѣе, изнемогла бы душа его. Сердце можетъ самымъ ничтожнымъ предметамъ придавать великую цѣну. Какую радость чувствуешь путешественникъ, когда, послѣ опасныхъ поисковъ, срываетъ неизвѣстную правку или листикъ! Тоже самое и въ мѣлочахъ любви!..

Старой дамы не было.

Вошедши въ гостиную, вмѣстѣ съ живописцемъ, Аделаида принесла спулъ, чтобы доспать порпредить; но такъ какъ надо было еще ногою спановиться на комодъ, дабы снить его, то она, оборотившись къ Юлію и покраснѣвъ, сказала: »высоко мнѣ, доспаныте вы!«

Чувство спыдливости, выразившееся и на лицѣ ея и въ голосъ, было испинной причиной ея просьбы, и Юлій, понявши это, бросилъ на нее говорящій взглядъ—сіе чудное выраженіе, въ разговорѣ любовномъ. Аделаида,

догадавшись, что живописецъ ее понялъ, съ гордымъ движеніемъ, исключительною шайною однихъ дѣвицъ, опустила глаза.

Не зная, что сказать, и почти смущенный, Юлій взялъ карпину, важно осмошрѣлъ ее у окошка и, уходя, только сказалъ: »Я скоро вамъ ее возвращу.« Оба въ сей быстрѣйшій мигъ почувствовали живое сопряженіе, дѣйствіе котораго на душу можно сравнить съ камнемъ, брошеннымъ на дно озера: самыя сладкія размышленія рождаются и слѣдуютъ другъ за другомъ; онѣ неопредѣлительны, часты, безъ цѣли, и волнуютъ душу, какъ круговыя морщины, видныя долго на водѣ отъ брошеннаго камня.

Юлій Шиннеръ возвратился въ масперскую съ портретомъ. Само собою разумѣется, что въ сипанкѣ былъ уже пригошвленъ холстъ, что его палибра была испещрена красками, и мѣсто и свѣтъ выбраны; онъ до самаго объѣда списывалъ портретъ со всѣмъ рвеніемъ, свойственнымъ художникамъ, когда дѣло идетъ о ихъ приходахъ.

Вечеромъ, онъ опять былъ у Баронессы Рувиль и просидѣлъ отъ 9 до 11 часовъ. Кромѣ различія въ предметѣ разговоровъ, сей вечеръ совершенно походилъ на предыдущій. Спарикки явились въ шопъ же часъ; также играли

въ пикешъ; игравшіе говорили все шѣже слова; старый другъ Аделанды проигралъ шуже сумму; только Юлій смѣлѣе разговаривалъ съ молодой дѣвушкой.

Прошла цѣлая недѣля все въ томъ же родѣ, и въ это время чувства Аделанды и живописца прошли весь очаровательный путь, ведущій души къ совершенному согласію. День ото дня Аделанда смотрѣла на Юлія все доверчивѣе и веселѣе. Ея голосъ и обращеніе становились дружелюбнѣе. Оба они смѣялись, разговаривали, сообщали другъ другу мысли, говорили съ простотою дѣшей, въ одинъ день подружившихся, какъ будшо уже при года были знакомы. Юлій игралъ въ пикешъ, и шочно какъ спарикъ, почти всегда проигрывалъ: ибо, будучи несвѣдущъ въ этомъ дѣлѣ, онъ игралъ, какъ начинающій, и давалъ промахи. Наши влюбленные, хотя еще въ любви не объяснялись, знали уже, что принадлежатъ другъ другу.

Юлій имѣлъ счастливое вліяніе на Аделанду, кошпорая во многомъ ему успупала, будучи опъ робости жерпвой шѣхъ пришворныхъ досадъ, извѣстныхъ даже самому неловкому любовнику, самой простодушной дѣвушкѣ, къ коимъ пакъ часпо они прибѣгають, какъ избалованныя дѣши къ злоупотребленію власпи надъ своими излишне нѣжными машерями. Пренія ласки Аделанды и спарика совсѣмъ изче-

зли: ибо молодая дѣвушка, по рѣзкому голосу и по складкамъ на лбу живописца, понимала, какія печальныя мысли его преслаждали, когда спарикъ цѣловалъ ея руки или шею. Съ свсей стороны, она хотѣла знать всѣ дѣйствія своего любезнаго. Она была шакъ несчастна, когда Юлій не приходилъ, и шакъ умѣла его бранить, чпо онъ принужденъ былъ оставить и своихъ друзей и свѣтъ. Аделаида обнаружила ревность обыкновенную въ женщинѣ, узнавъ, чпо иногда, уходя отъ нихъ въ одиннадцать часовъ, Юлій продолжалъ свои визиты и разѣзжалъ по самымъ блестящимъ Парижскимъ обществамъ. Сперва она находила, чпо шакой родъ жизни былъ вреденъ его здоровью; наконецъ однажды сказала ему, съ силою убѣжденія, споль подкрѣпляемаго взоромъ и голосомъ особы, нами любимой, чпо мушина, посвящающій споль многимъ женщинамъ и свое время и прелестъ своего ума, не можешъ быть предметомъ живой спраспи. Тогда Юлій, сполько же по деспотизму любви, сколько по требованіямъ своей возлюбленной, переспалъ выходить изъ пѣхъ скромныхъ комнатъ, гдѣ все ему нравилось. Ихъ любовь была самая пламенная и чисная. Съ обѣихъ споронъ, равная вѣрность, равная нѣжность, воспитали сію дѣвственную спраспъ, безъ посредства пожершвованій, коими многіе спараются доказать

*

свою любовь. Между ними было вѣчное и равное отношеніе сладкихъ чувствованій: невольное стремленіе все тѣснѣе соединяло ихъ души.

Сіе чувство такъ быспро росло, что спустя двадцать дней послѣ приключенія, доставившаго Юлію счастіе узнать Аделаиду, ихъ жизнь слилась въ одну. Съ самаго утра молодая дѣвушка, послышавъ шаги живописца, могла сказать себѣ: »Онъ вѣрно шутъ!« Когда Юлій возвращался обѣдать къ своей матери, онъ всякой разъ заходилъ навѣщать сосѣдокъ, а вечеромъ являлся, съ точностію влюбленнаго, такъ что женщина, самая деспотическая и честолюбивая въ любви, не могла-бы ему сдѣлать ни малѣйшаго упрека. Аделаида наслаждалась счастіемъ безшумнымъ, безбрежнымъ, и видѣла на лицѣ томъ идеалъ, объ копоромъ въ ея дѣтвѣ обыкновенно мечтають.

Старый дворянинъ приходилъ рѣже и Юлій, не ревнуя уже къ нему, сидѣлъ вмѣсто его за зеленымъ столомъ и проигрывалъ, какъ прежде.

Однако, среди такого блаженства, думая о несчастномъ положеніи Баронессы Рувиль—ибо оно спановилась ему все извѣстнѣе—онъ не могъ выгнать докучной мысли и, нѣсколько разъ уходя, говорилъ себѣ: »Какъ! двадцать франковъ

каждый вечеръ!...» И не смѣлъ вѣришь своимъ ужаснымъ подозрѣнiямъ.

Юлій цѣлый мѣсяцъ списывалъ портретъ. Онъ его кончилъ, вставилъ въ рамку, покрылъ лакомъ и призналъ за одну изъ лучшихъ своихъ работъ. Баронесса никогда объ немъ не говорила. Было ли то опъ небреженiя или опъ гордоспи?... Живописецъ не хотѣлъ искашь объясненiй сего молчанiя.

Онъ весело условился съ Аделаидой поставить портретъ на прежнее мѣсто, когда не будетъ Гжи Рувиль. Эпо было 8 Юля. Во время прогулки машери въ Тюльери, Аделаида одна, въ первой разъ, пошла въ масперскую Юлія, желая видѣшь портретъ въ надлежащемъ освѣщенiи.

Она оspanовилась, неподвижная, предавшись сладкому созерцанiю, гдѣ сливались въ одно всѣ чувспвованiя женщины, ибо *всп онъ сливаются* въ испинномъ обожанiи любимаго предмета.

Живописецъ, не понимая эпаго молчанiя, приблизился, чшобы взглянушь на Аделаиду: она проспанула ему руку, не могли выговоришь ни слова; но двѣ слезы выкапились изъ ея глазъ.

Юлій схватилъ ея руку, цѣловалъ ее спо разъ, и, нѣсколько минушь, они, молча, другъ на друга смопрѣли, хотѣли высказашъ свою спрасъ и робѣли.... Живописецъ, держа руку

Аделанды, почувсвовалъ въ ней пошже жаръ, шуе жизнь, копорую самъ чувсвовалъ — знакъ того, что сердца ихъ бились дружно. Тронушая дѣва пихо удалилась ошъ Юлія, и, просиподушно взглянувъ на него, сказала: » О! какъ вы осчаспливыше мамушку!«

— Только ее! спросилъ онъ.

» О... я!... Я уже счасплива! «

Живописецъ опуспилъ голову и замолчалъ, самъ испугавипись сильнаго порыва чувсвѣ, сими словами пробужденнаго въ его сердцѣ. Понявъ всю опасносшь такого положенія, они сошли внизъ и повѣсили поршрешъ.

Юліѣ, въ первый разъ, опобѣдалъ съ Баронессой и ея дочерью. Гжа Рувиль сдѣлала ему самый ласковый пріемъ. Она была шакъ шпронуща, что хошѣла его поцѣловашъ.

Вечеромъ, спарый эмиграншъ, коронкій шоварищъ Барона Рувиля, навѣспилъ своихъ подругъ и объявилъ, что онъ произведенъ въ Конспр - Адмиралы, ибо сухопутныя его плаванія по Германіи и Россіи были сочпены за морскіе походы. Увидя поршрешъ, онъ пожалъ руку живописцу и воскликнулъ: »Божусь, хошя моя спарая рожа не стоишъ сохраненія; но я бы далъ 500 писполей, чтобы имѣшъ съ себя поршрешъ, шакже схожій.«

При семъ предложеніи, Баронесса взглянула на своего друга и улыбулась, показывая зна-

ки внезапной благодарности. Юлію показалось, что спарый Адмиралъ хопѣлъ, заказавши свой поршреть, заплашишь за оба. Тогда, обидѣвшись сею мыслию, онъ художнической гордости, а, можешь бышь, и онъ ревности, онъ сказалъ:

» Милоспивый Государь, еслибъ я писалъ поршреты, я бы не взялся за эпошь.«...

Адмиралъ закусилъ губу и началъ играшь. Юлій былъ подлѣ Аделаиды; она шакже ему предложила сыграшь паршію и онъ согласился. Живописецъ удивлялся спраспи Гжи Рувиль къ игрѣ; въ эпошь разъ желаніе ея выиграшь выходило изъ мѣры, и она выиграла. Тогда дурныя подозрѣнія начали мрачить блаженство Юлія и возбудили въ немъ недоувѣрчивость. Ужъ не живешь ли Гжа Рувиль игрою? И шеперь, не играла ли она, чтообъ заплашишь какой нибудь долгъ или помочь какой нуждѣ? Можешь бышь, она и за кварширу еще не заплашила.

А шонкосъ спарика убѣждала его, что эти всегдашніе проигрыши не могутъ бышь даромъ! Какой же бы иншерьесъ могъ привлекать его въ сей бѣдный домъ—его, шаккого богача! За чѣмъ онъ прежде былъ шакъ корошокъ съ Аделаидой и за чѣмъ опказался онъ прежнихъ ласкъ, на кошорыя, можешь бышь, имѣлъ право?

Всѣ сии размышленія невольно приплыли ему на умъ и побудили его къ новому почтѣйшему разсмотрѣнiю спарика и Баронессы. Ему не понравились также косвенные взгляды, кои согласно бросали они на него и на Аделанду.

—Ужъ не обманываютъ ли меня? Эпо была послѣдняя ужасная мысль Юлiа, вѣра въ которую усугубляла его муки. Онъ оспался послѣ всѣхъ. Проигравъ пять франковъ, вынулъ кошелекъ, чѣмъ заплатилъ Аделандѣ, и въ эту минушу занятый спѣснительными мыслями, положилъ его на столъ и погрузился въ непродолжительную задумчивость. Пономъ устыдясь своего молчанiя, забылъ о кошелѣкѣ, всталъ и, давъ отвѣтъ на пусшой вопросъ Гжи Рузиль, подошелъ къ ней, чѣмбы за разговоромъ лучше взглянуть въ это старое лицо. Онъ вышелъ, шерзаемый тысячью догадокъ; но сходя съ лѣспницы, вспомнилъ, что деньги его остались на столѣ, и опять вошелъ.

»Я оставилъ свой кошелекъ у васъ,« сказалъ онъ Аделандѣ.

—Нѣтъ! отвѣчала она, покраснѣвши.

»Мнѣ помнился, что онъ шутъ былъ!...«

И онъ указалъ на карточный столъ; но успѣдая за молодую дѣвушку и за Баронессу, посмотрѣлъ на нихъ съ удивленнымъ видомъ.... Онъ засмѣялись..... Онъ поблѣднѣлъ и прибавилъ: «Ахъ, нѣтъ! онъ у меня.»

Поклонился и вышелъ.

Въ кошелекъ было съ одной стороны 500 франковъ золотомъ, съ другой мѣлочъ. Покража была шакъ явна, шакъ дерзко скрыта, что Юлій не могъ уже сомнѣваться въ безнравственности своихъ сосѣдокъ. Онъ оспанавливался на лѣсшницѣ, съ трудомъ сходилъ съ ней, ноги у него дрожали, голова кружилась, онъ пошѣлъ, шрепепалъ и не могъ идти, не могъ сносить ужаснаго пошрясенія, причиненнаго разрушеніемъ всѣхъ его упованій.

Тогда онъ вспомнилъ о многихъ подробно-спяхъ, кои не казались ему прежде важными; но шеперь усиливали въ немъ ужасныя подозрѣнія, и, подшверждая послѣдній случай, объясняли характеръ и жизнь сихъ двухъ женщинъ. А если еще выжидали онъ окончанія и опдаши портреша, чтобы сдѣлать кражу? Какая опврашпительная гнусность!

Къ большему несчастью, вспомнилъ живописецъ, что уже два, при вечера, Аделаида съ особеннымъ любопытствомъ осматривала работу изношеннаго шелковаго кошелька, вѣроятно съ шѣмъ, чтобы счесать, сколько въ немъ было денегъ, и прибавляла разныя шушки, по виду невинныя, но вѣрно имѣвшія цѣлью уловить минушу, когда прибавится сумма....

А шарый Адмиралъ, можешъ быть, очень

справедливо не хотѣлъ жениться на Аделандѣ и на его мѣсто Баронесса хотѣла бы меня...

При семъ предположеніи онъ оспановился, не окончивъ даже мысли, прекращенной весьма справедливымъ опроверженіемъ. Если Баронесса хотѣла меня женить на своей дочери, онъ бы меня не обокрали... Попомъ не желая опказаться опъ своего очарованія, опъ своей давнишней любви, онъ началъ искать всякихъ оправданій... Можешъ быть, кошелекъ на полу, на креслахъ, а можешъ и на мнѣ.. Я такъ разсѣянь.... И онъ быспро ошупывалъ себя, но прокляпаго кошелька не было. Жеспокая памяшь напоминала ему роковую истину.

Онъ ясно видѣлъ кошелекъ на споловомъ сукнѣ и тогда, не имѣя сомнѣнія, оправдывалъ Аделанду мыслию, что несчастныхъ не должно скоро осуждашь и что вѣрно скрывалась ипайна въ семъ низкомъ поступкѣ. Онъ никакъ не хотѣлъ, чѣобы сіи спрогіа и благородныя чершы были пришворны...

Однакожь бѣдное ихъ жилище въ мигъ лишилось для него поэзіи любви, все украшающей. И тогда онъ увидѣлъ его нечистоту, неопрятноспь и смопрѣлъ на него, какъ на карпину жизни низкой, праздноѣ, порочноѣ; ибо наши чувспвованія рисуюпся, такъ сказашъ, на предмешахъ, насъ окружающихъ.

На другой день онъ вспалъ, не заснувши ни на минушу. Скорбь сердечная, эпопѣй важный нравственный недугъ, возросла въ немъ чрезмѣрно. Потерявъ блаженство ожиданное, отказавшись отъ всего будущаго, есть спрда- ніе гораздо живѣйшее, чѣмъ разрушеніе наспо- ящаго счастья, какъ бы полно оно ни было. Тогда наша душа впадаетъ въ размышленія, какъ въ море безбрежное; въ нихъ мы можемъ по- плыть, хопя на минушу; но въ нихъ же не- обходимо понесть и гибель нашу любовь—и вопъ смерть ужасная! Чпо въ жизни выше на- шихъ чувствованій? У многихъ отъ эпой мѣсп- ной, пакъ сказать, смерти чувства произхо- дятъ внушреннія опусхошенія, родящія отъ разочарованій, обманурыхъ спраспей и на- деждъ. Такъ было съ Юліемъ.

Онъ вышелъ рано утромъ и отправился гу- лять подъ тѣнисные навѣсы Тюльери, погруженный въ свои мысли и забывая обо всѣхъ. Тутъ случайно встрѣпилъ онъ своего короткаго поварища по школѣ и масперской, друга, замѣну брата.

»Чпо съ тобой, Юлій?« сказалъ ему Даніиль Вальеръ, молодой ваятель, получившій первый призъ и ѣхавшій скоро въ Италію.

— Я несчастливъ... отвѣчалъ важно Юлій.

»Ужь вѣрно сердечное дѣло: а шо у тебя нѣтъ недоспапка ни въ деньгахъ, ни въ славѣ!..«

Невольно начались рассказы и живописецъ признался въ своей любви. Какъ только Юлій заговорилъ объ Сюреньской улицѣ и объ молодой дѣвушкѣ въ четверномъ экипажѣ...

»Стой!« весело закричалъ Даніилъ. »Знаю я эту дѣвчонку: всякое упрю вижу ее у Успенія; и, признаюсь, самъ за ней волочусь. Да какъ не знаешь! мы ее всѣ знаемъ... Ея мать Баронесса!..

какъ ты вѣришь Баронессамъ четвертаго экипажа? Брр! Нѣчего сказать; ты еще въ золотомъ вѣкѣ! Мы всякой день видимъ спаруху въ здѣшней аллеѣ: споймъ взглянушь на ея лице, турниору—и все узнаешь... Какъ! развѣ ты не замѣчалъ, какъ она мѣшокъ свой держишь?..«

Оба друга гуляли долго и другіе молодые люди, ихъ знакомые, къ нимъ присоединились. Даніилъ рассказалъ имъ исторію живописца, видя въ ней ничтожную бездѣлку.

»Вѣдь и онъ ее видѣлъ!« промолвилъ ваятель.

И путь посыпались замѣчанія, насмѣшки, шушки, но все невинныя, высказываемыя съ веселостью художниковъ; а Юлій спрадалъ. Какая-то душевная спыдливость его безпокоила; онъ видѣлъ, что тайна его сердца была осмѣяна, спрасъ поругана, что дѣвушка, неизвѣстная и на видъ такая скромная, была предметомъ легкомысленныхъ сужденій, можешь быть, несправедливыхъ.

Тогда, пропигорѣвъ себѣ, онъ у всякаго спрашивалъ доказательствъ ихъ положеніямъ и ношли опять новыя шушки.

— Ты не видалъ шали Баронессы? говорилъ одинъ.

— А дѣвчонку-то, когда она ходила къ Успенію? говорилъ другой.

— О! у мащери, кромѣ другихъ качествъ, есть сѣрое платье — преобразцовое!

— Послушай, Юлій, прибавилъ важно граверь. Приходи сюда въ чешыре часа, да посмотри на походку мащери и дочери... а шамъ... если будупъ у тебя сомнѣнія, шо процай... Мы запишемъ тебя пропавшимъ... шы сдѣлаешься супругомъ какой-нибудь дочери дворника...

Юлій оставилъ своихъ друзей, терзаемый самыми разнородными чувствованиями. Аделаида и мащъ ея казались ему недостойными сихъ обвиненій, и онъ уже чувствовалъ раскаяніе, что могъ сомнѣваться въ чистотѣ такой прекрасной и проспой дѣвушки.

Онъ пошелъ въ свою мащерскую, и прошедъ мимо двери Аделаиды, ощутилъ сердечную скорбь, въ которой не лзя ошибиться. Онъ страстно любилъ дочь Гжи Рувиль и, не смоя на покражу кошелька, продолжалъ обожашъ ее. Его любовь походила на чувство Дегрье, безкорыстно восхищавшагося своею любовни-

цей, даже на той пѣлгѣ, на копорой возяшъ распушныхъ женщинъ въ заключеніе.

»Развѣ любовь моя не можешъ изъ ней сдѣлать чистѣйшую изъ женщинъ!.. За чѣмъ оснавяшъ ее въ порочной жизни и не просянушъ ей дружеской руки?..«

Эта роль ему понравилась, ибо любовь всѣмъ пользуется. И что льсшивѣ молодому чело-вѣку, какъ бышъ добрымъ геніемъ женщины? Въ такомъ предпріятіи есть нѣчто романическое. Это преданность въ самомъ обширномъ смыслѣ, подѣ формою возвышенной и граціозной. Сколько величія въ томъ, копорый все еще любяшъ и тогда, когда въ другихъ любовь бы остыла и умерла!

Юлій сѣлъ въ своей мастерской, смотрѣлъ на свою картину, не прогаясь до ней; всѣ фигуры представлялись ему сквозь слезы, блиставшія въ его глазахъ. Онъ держалъ кисть въ рукѣ, хотѣлъ смягчить какую-то краску, но ничего не дѣлалъ. Ночь настала. Онъ все былъ въ томъ же положеніи. Когда стало темно, онъ сошелъ; но, встрѣпившись съ старымъ Адмираломъ, бросилъ мрачный взглядъ, поклонился ему и убѣжалъ. Онъ было хотѣлъ войти къ своимъ сосѣдкамъ, но видъ покровителя Аделаиды сжалъ его сердце, и намѣреніе его исчезло. Въ сошый разъ онъ у себя спрашивалъ: »Какая выгода спарику, имѣющему 50,000

Франковъ доходу, ходишь въ четвертой этажъ и каждый вечеръ проигрываешь 10 или 20 фр? «—Ахъ, онъ опгадывалъ эту выгоду!

На другой день и послѣ, Юлій предался труду, чтобы какъ нибудь побѣдишь свою спрасъ порывомъ новыхъ вымысловъ. Однако ему не совсѣмъ удалось. Занятіе его утѣшило, но не заглушило воспоминаній о сладкихъ часахъ, проведенныхъ съ Аделаидою.

Разъ, вечеромъ, оставивъ свою мастерскую, онъ нашелъ дверь сосѣдокъ полураспворенную. Кто-то споялъ подлѣ окошка; Юлій, проходя мимо, не могъ не узнать Аделаиды. Онъ ей холодно поклонился, бросивъ на нее взглядъ равнодушный; но, судя о спраданіяхъ ея по своимъ, внутренне вздрогнулъ, подумавъ, какую скорбь долженъ былъ произвеси въ любящемъ сердцѣ его холодный взглядъ. Увѣнчавъ сладчайшія наслажденія двухъ чистѣйшихъ душъ холодноспію осьмидневною и самымъ рѣшительнымъ презрѣніемъ... какая ужасная развязка!

Можешь быть, кошелекъ нашелся и каждый вечеръ Аделаида ждала своего друга. Сія просшая мысль начала перзавъ Юлія и онъ спросилъ себя: »Ужели не заслужили разсмотрѣнія, оправданія, всѣ доказательства привязанности и нѣжности, всѣ очаровательные любовные разговоры Аделаиды!«

Тогда, покраснѣвъ при мысли, что восемь дней боролся съ своимъ сердцемъ, пошелъ онъ въ шопъ же вечеръ къ Гжѣ Рувиль.

Всѣ подозрѣнія, всѣ дурныя мысли исчезли при видѣ молодой дѣвушки, похудѣвшей и блѣдной.

— Что съ вами? спросилъ онъ у ней, послѣ поклона Баронессѣ.

Аделаида въ отвѣтъ бросила на него взглядъ меланхолическій, печальный, кошпорый спѣснилъ его сердце.

«Вы вѣрно много работали,» сказала сшарая дама: «вы перемѣнились: мнѣ жаль, что эпшпъ, портретъ вѣрно васъ уклонилъ отъ трудовъ, важныхъ для вашей славы.»

Юліи былъ сшасшливъ, что шакъ объяснилась его неучшивосшь.

— Да, сказалъ онъ, я былъ очень занящъ и сверхъ шого... и сшрадалъ...

При сихъ словахъ, Аделаида водняла голову, посмошрѣла на Юлія и, ея шревожные глаза все ему прощали.

«Развѣ вы думали, что мы равнодушны къ шому, что до васъ касаетея?» сказала сшарая дама.

— Я виноватъ, отвѣчалъ Юліи: но есть такія скорби, опченъ въ коихъ шребуешъ дружбы давней, испцшпанной...

— Искренность, сила дружбы не изменяются временемъ. Есть старые друзья, которые въ несчастіи не дадутъ слезки другъ за друга... сказала Баронесса, покачивая головой.

«Да, что же съ вами?» спросилъ Юлія у Аделанды.

— Ничего! отвѣчала она.

— «Она цѣлыя ночи сидѣла за одной работой; я ей напрасно говорила, что день, позже или раньше, не составляетъ разницы...»

Юлія уже не слушала. Видя сія лица, спокойныя и благородныя, онъ краснѣлъ отъ своихъ подозрѣній и приписывалъ пошлѣ кошелька неизвѣстному случаю.

Этотъ вечеръ былъ для него восхищеніемъ и, можетъ быть, также для Аделанды. Есть тайны, такъ хорошо понимаемыя юными душами! Молодая дѣвушка огибала всѣ мысли Юлія. Не каюсь въ своихъ грѣхахъ, живописецъ ихъ признавалъ и возвращался къ своей возлюбленной, съ большею любовью и привязанностью, спараясь выманить себѣ молчаливое прощеніе. Аделаида равно чувствовала такую сладостную радость, что забывала претерпѣнные мученія. Искреннее, магическое согласіе ихъ сердецъ было однако разстроено словами Баронессы:

«Не сыграешь ли намъ партіи?» спросила она Юлія.

Сѣм слова пробудили весь прежній страхъ живописца: тогда онъ покраснѣлъ, смотря на мать Аделаиды, и однако увидѣлъ одно выраженіе непритворнаго добродушія, не вызывавшее въ немъ никакой дурной мысли, выраженіе шонкое, но не коварное, хитрое, но не злое и не взволнованное никакимъ угрызеніемъ совѣсти. Тогда Юлій началъ играть и Аделаида сѣла съ нимъ, подѣ предлогомъ, что онъ, не зная пикеша, нуждался въ помощникѣ. Гжа Рувиль и дочь ея дѣлали другъ другу знаки, пугавшіе живописца тѣмъ болѣе, что онъ выигрывалъ; но кончилось тѣмъ, что любовники оспались должниками Баронессы. Живописецъ, поднявъ руки со сипола, чтобы поискашь денегъ въ карманѣ, увидѣлъ передъ собою кошелекъ, пихонько подложенный Аделаидою; она жъ держала спарый, какъ будто хотѣла изъ него заплапншь своей машери. Вся кровь Юлія шакъ прихлынула къ сердцу, что онъ едва не лишился чувствъ. Новый кошелекъ заключалъ всѣ его деньги; онъ былъ вышитъ изъ золота и жемчуга, а узлы и кнспн означали вкусъ Аделаиды. Это была граціозная дѣвичья благодарносшь. Не лзя было лучше выразишь, что за даръ живописца можно было только заплапншь знакомъ нѣжности. . . Юлій на высшей степени счастья взглянулъ на Аделанду и на Баронессу; онъ

шрепешали опѣ радости и опѣ ихъ удавша-
гося обмана... Тогда онѣ нашелъ себя глу-
пымъ, мѣлкимъ, недоспойнымъ: желалъ нака-
зати себя, разорвати себѣ сердце; но слезы
появились на глазахъ и, вспавъ по движенію
невольному, онѣ принялъ Аделанду въ объятія,
прижалъ ее къ сердцу, поцѣловалъ и, смош-
ря на Баронессу, сказалъ съ простиною ху-
дожника:

» Ошдайше мнѣ ее! « ...

Аделанда бросила полу-сердитые взоры на
живописца, и Гжа Рувиль, не много удивлен-
ная, искала опвѣща, какъ зззвонилъ колоколь-
чикъ. Эпо былъ Коншр - Адмиралъ, его шѣнь
и Гжа Шиннеръ.

Машъ Юлія угадала причину скорби своего
сына, хошя онѣ скрывалъ ее, разспрашивала у
многихъ своихъ друзей о молодой дѣвушкѣ
и справедливо разгнѣванная всѣми клеветами,
разказала ихъ спарому эмигранту, копорый
въ сердцахъ намѣревался обрубити уши всѣмъ
эшимъ сорванцамъ. И попомъ, въ гнѣвѣ, оп-
крылъ Гжѣ Шиннеръ, чшо принужденъ былъ
по неволѣ проигрывать, дабы какимъ нибудь
средствомъ помочь гордой Баронессѣ.

Когда Гжа Шиннеръ поклонилась Гжѣ Ру-
виль, сія послѣдняя, смошря на Коншр - Адми-
*

рада, Аделанду и Юлія, сказала съ особенного прелестію:

»Мнѣ кажется, нынѣ вечеромъ мы здѣсь всѣ свои!...«

IV.

ИСТОРИЯ

И ИСТОРИКИ.

(окончаніе).

Но холодныя и безприспрасныя льпописи Полибія и Арріана кажутся мнѣ гораздо предпочтительнѣе педантическаго папріотизма и романическихъ препензій *Плутарха* и его послѣдователей. Должно признаться, что немногіе писатели возбуждаютъ во мнѣ такое оштрашеніе, какъ эпонъ *Плутархъ*, классическій историкъ, покрытый лаврами десяти вѣковъ и переведенный на всѣ Европейскіе языки. Самая основная мысль его ложная и предположительная. Онъ идетъ отъ ошибочнаго начала и выводитъ изъ него ложныя слѣдствія, даетъ современникамъ своимъ опасные примѣры и одушевляется превосходнымъ энтузіазмомъ къ добродѣтелямъ невозможнымъ. *Плутархъ* и его послѣдователи раз-

спроили болѣ головъ и надѣлали болѣ зла Европѣ, нежели презрѣнные сочинители самыхъ безнравственныхъ романовъ.

Представыте себѣ людей, кои, родясь нѣсколькими вѣками позже героевъ древней Греціи, чипають въ кабинеты своемъ спрители Димосена и Перикла. Это чпеніе одушевляетъ и воспаляетъ ихъ. Они забываютъ, что пысячи древнихъ республикъ сокрушились, дабы уступитъ мѣсто огромной монархіи, связывавшей одною желѣзною цѣпью берега Атлантическаго Океана и Евфрапа, Маврипанскіе пески и льды Скиѣскіе. Въмѣсто того, чтобы обращать взоры на эту новую Грецію, составленную изъ споль многообразныхъ царствъ, племенъ, языковъ, нравовъ и обычаевъ, они переносятся мысленно въ идеальную сферу древнихъ демократій: къ свободѣ, какъ ее понимали небольшія опидѣльные племена и независимые города; мѣстный папріотизмъ Спаршы и Аѣинъ украшается и увеличиваетъ въ ихъ обманушыхъ глазахъ. Имъ чудятся одни великіе люди былаго времени, энергическіе даже въ варварствѣ, презирающіе смерть, вонзающіе кинжалъ въ сердце родныхъ братьевъ для спасенія пенаповъ своего поколѣнія. Они не замѣчаютъ, что пакія чувства, удобно развивающіяся въ малыхъ республикахъ, спановаятся рѣдкими и неумѣстными въ народахъ многочислен-

ныхъ , заселяющихъ обширныя земли; не видяшь, чшо въ извѣстномъ періодѣ образованности, сіи дикія доблести также невозможны, какъ геройство Ахилла у новѣйшихъ народовъ. Ни одна подобная мысль не поражаетъ ихъ. Они хопяшь, чшобъ солдапы спопысчанаго войска походили на пѣдесять тысячъ, коихъ самое пораженіе было шоржесство и побѣда; чшобы воинъ, умирающій въ сраженіи для поддержанія Европейскаго равновѣсія, былъ воспламененъ пѣмъ же энпузіазмомъ, какъ Спарпанецъ, въ глазахъ своей матери падающій въ борьбѣ за священныя спѣны своего города. Имъ нѣтъ нужды до анахронизмовъ: влюбленные въ сверхъестественное величіе, они хопяшь привить всѣмъ свои заблужденія и проникнуть слабые умы своимъ опаснымъ изспупленіемъ.

Всѣ прошивныя разсужденія казались слишкомъ вульгарными для писателей, о коихъ я говорю. Имъ нравилась Греческая и Римская свобода также, какъ Платоническая любовь нравилась ученымъ женщинамъ; они имѣли къ ней склонность болѣе по прихоти, нежели въ слѣдствіе выбора, склонность, вселенную предубѣжденіемъ и носящую печать педантизма. Былъ ли варварскій патриотизмъ Спарты и Аѣны въ самомъ дѣлѣ справедливъ и добродѣтеленъ? Одинъ ли шопъ образъ правленія, при коемъ патриотизмъ сей

получилъ свое развитіе, достоинъ удивленія публицистовъ? Не скорѣй ли должно счесть за блистательныя исключенія, чѣмъ за образцы, сіи мятежныя огромныя массы, Лакедемонъ съ его воинами-монахами, Аѳины съ ихъ буйными судьями? Не тѣ же ли добродѣтели и пороки запечатлѣваютъ характеръ небольшихъ опѣдельныхъ племенъ, живущихъ разбоями, Гверильясовъ, кочующихъ среди пустынныхъ скалъ Испаніи, отважныхъ Калабрійскихъ злодѣевъ, коихъ фанатическая привязанность къ каполицизму, къ колокольнѣ ихъ деревни, можетъ также украшаться именами папріопизма и энпузіазма? Ни одна изъ сихъ мыслей не приходила въ голову слѣпымъ испорикамъ, видѣвшимъ въ употребленіи своего паланша одно средство увѣковѣчить свои рипорическія разпространенія. Эпи свободныя республики попирали ногами выи рабовъ: эпи независимые народы пирали другіе народы. Плущархъ и подражатели его, Верпо, Мабли, не говоря уже о Ипаліянскихъ декламаторахъ и поэтахъ, не сдѣлали ни одного изъ сихъ замѣчаній, копорыя конечно охладили бы ихъ софистическій жаръ и переломили бы лживое ихъ перо.

Свобода! Но какая свобода была въ Лакедемонѣ, при пысячѣ спѣсненій и разныхъ нелѣпыхъ обычаяхъ? Въ эпомъ городѣ, гдѣ нельзя было ни выбрать жены по желанію, ни опобѣдать въ

свое время, ни носилъ плащъ, какое вѣдуемъ-ся, ни говорилъ и молчалъ, смотря по своему душевному расположенію? Каковы были плоды независимости Аѳинской? Богатые всегда были подвержены грабежамъ черни; бѣдные могли искать утѣшенія только въ праздно-суемудности. Въ Римѣ Гракхи, любимцы народа, были умерщвлены аристократіею во имя свободы. Во всѣхъ древнихъ республикахъ слово *свобода* было орудіемъ порабощенія. Если хотѣли подвинуть какое нибудь преніе, раздробить имущество, привести въ исполненіе деспотическій законъ, подкупить справедливосť, воспрепятствовать успѣхамъ торговли или промышленности, (кои такъ часто спирали въ древности) — то собирали народъ. Волшебное слово: *свобода!* гремѣло въ ушахъ его; и политическое пресупленіе легко совершалось. Чернь писателей, какъ чернь городовъ, всегда принимала слова за вещи и довольствовалась пустымъ эхомъ; самъ Жан-Жакъ Руссо преклонялъ колѣна предъ симъ жалкимъ призракомъ, созданнымъ софистами и доспойнымъ всякаго презрѣнія.

Что значило понимать свободу, какъ молодыя дѣвушки, заключенныя въ монастыряхъ, понимаютъ удовольствія свѣта. Сей спранный республианизмъ происпекаетъ изъ того же источни-

ка, копорый напипываепъ романическими идея-ми мѣщанъ и прачекъ, записавшихся въ библио-опеки для чпенія и получившихъ спрасъ къ липерапурѣ. Они имѣютъ споль же вѣрное поняпие о большемъ свѣпѣ, имѣ чуждомъ, и о сельской жизни, коей не пользуемся, какъ Плу-тарховы герои, сѣи подкрашенные образцы лож-ной добродѣтели, сообразны съ испиною. Об-разы сихъ мнимо-великихъ людей сущеспву-ютъ только въ распроенномъ воображеніи ихъ авшоровъ. Они производятъ смерпное оп-ращеніе своимъ невозможнымъ великодушіемъ и исполинскимъ наппріопизмомъ. Дѣйспвишельно шяжко видѣтъ государспвенныхъ чиновниковъ, воиновъ, гражданъ, людей знаменипыхъ, превра-щенныхъ въ прагическихъ актеровъ, совер-шенныхъ, какъ Грандиссонъ, наполненныхъ аксі-омами, какъ нравоучительная книга, съ головы до ногъ вооруженныхъ не человѣческою возвышен-ностью, вѣчно краснорѣчивыхъ, вѣчно споящихъ въ позиціи, вѣчно гошovýchъ дапъ свѣпу новое предспавленіе какого-либо шеаспраднаго подвига или выпорое изданіе какого-нибудь *bon mot*. Не шо же ли эпю, чпю герои Коцебу и Мерсье, съ рукою, положенною на грудь, съ подпашыми къ небу взорами, съ волосами, разбросанными въ симметсприческомъ безпорядкѣ, выпягивающіе ноги предъ глазами внимательной публики и произносящіе напряженнымъ голосомъ свои

напѣщенные пирады о природѣ и добродѣтели ?

Сіи писатели, наспоящія Скюдери патриотизма, могутъ возбуждать только смѣхъ и презрѣніе къ тому, что въ древности называлось свободою. Смѣлые и проницательные умы, сильные и чувствительныя души, опринули языкъ, униженный сими людьми, кои, не имѣвъ никогда ни опечесства, ни правъ, совсѣмъ не понимая республикъ и монархій, превращали въ нелѣпое болпанье имена республики и единодержавія. Также смѣшно Англійскіе фанатики, наспроенные Бушлеромъ, коверкали Библію монопоною своею важностію и глупыми преувеличеніями. Они сочинили новую мораль, превратили всѣ идеи порока и добродѣтели: извиняли убійство, несоблюденія клятвъ, воровство, грабежъ, когда сіи пресупленія имѣли патриотическую цѣль. Древніе рыцари, зажигавшіе города для того, чтобы прославить имя своей любезной; перекрещенцы Мюнсперскіе, убивавшіе дѣтей своихъ, чтобы подражать Аврааму; Жакъ Клеманъ, съ кинжаломъ пародировавшій Іудею, были не безумнѣе ихъ. Тимолеонъ, убивъ своего брата, сдѣлался предметомъ ужаса для самыхъ сообщниковъ своихъ: угрызенія совѣсти преслѣдовали его до конца жизни. Хвалишь брапоубійство, какъ

высочайшую степень добродѣтели и любви къ опечеспву, было предоспавлено важнымъ испорикамъ, моралиспамъ, родившимся нѣсколькими вѣками позже. Удаленные опъ бурныхъ крамоль, коихъ необузданная борьба могла служипъ извиненіемъ злодѣйспву, они видѣли въ эпмъ убійспвъ шолько пекспъ похвальнаго слова, порицали Тимолеона, не за содѣянное преступленіе, а за раскаяніе въ немъ, и спавили подвигъ сей примѣромъ для грядущихъ поколѣній. Даже допуская, что преступленія Бруша, Манлія и Тимолеона, были необходимы и извинительны, можно ли поспавлять общимъ правиломъ примѣры, соспавляющіе изключенія, опасныя, чрезвычайныя лѣкарспва, кои можно упопрелять шолько въ опчаянныхъ обспоятельстввахъ? Но шакковы правила, пропо-вѣдуемыя Плупархами и Мабли; скромныя добродѣтели, похвальные шруды, не въ такой степени заслуживающъ ихъ одобреніе, какъ эпш судорожныя движенія фанатизма и папріотическаго бѣшенспва.

Вліяніе на Европу писателей, пропшивъ коихъ я возспаю, вліяніе, вспомошеспвуемое и усиливаемое авшоритетомъ учебныхъ заведеній, было ужасно. Испочникомъ большей часпи ложныхъ мнѣній, низпровергшихъ Европейскія Государспва и нынѣ еще заграждающихъ путь испин-

нымъ идеямъ, были сочиненія Плупарха, Валеріа-Максима и ихъ подражателей. Въ Англіи вліяніе сіе произвело менѣе бѣдспвій.

Мы Англичане соспавляемъ народъ дѣятельный, преданный трудамъ положишельнымъ; у насъ полипическія іеоріи давно приведены въ пракшику. Нашъ образъ правленія еспъ благо, коего іспочникъ всѣмъ ізвѣстенъ и коего счасливья слѣдспвія для всѣхъ ошуппительны. За чѣмъ намъ благоговѣть предъ Капиполіемъ? Развѣ у насъ нѣтъ Веспминсперской залы? Форумъ менѣе занимашелемъ для насъ, чѣмъ Нижняя Палаша. Мы не опдадимъ нашей Великой Харпші за Солоновы законы, или нашего Аббашспва, въ коемъ почіюшъ двадцать поколѣній народной славы, за Аеинскія Пропілеи. Мы удивляемся древнимъ, какъ древнимъ, но не подражаемъ имъ ученически. Наши поспановленія, наши великіе люди, наши герои, принадлежатъ намъ однимъ; мы не думаемъ сравнивать Берка съ Димосееномъ или Генерала Вольфа съ Эпаминондомъ. Длинный рядъ государспвенныхъ людей и храбрыхъ полководцевъ основаль, поддержаль и сохраниль наши права: вопъ наша гордоспъ! Молишва умирающаго Сиднея заспавляетъ насъ забышъ Оразеаса и его возліяніе въ жерпву богамъ. Мы менѣе прогаемся описаніемъ смерти Капона, чѣмъ словами Рюсселя, копорья онъ сказалъ на эша-

Фоптъ, обнимаю жену свою: *«теперь кончилась
гореть смерти!»* Эпи воспоминанія тѣсно связа-
ны съ нашими нравами; разъединить ихъ бы-
ло бы невозможно. Въ нашей испорціи есть
также геройскіе подвиги, кровавыя чудеса, гнус-
ныя прагедіи, кои спрогій моралистъ охотно
зедернеитъ завѣсою. Но самыя сіи преспушенія
имѣютъ особый характеръ; оппѣнки ихъ со-
вершенно Англійскіе; мы всегда видимъ въ нихъ
уваженіе къ законнымъ формамъ. Карль I не былъ,
подобно Цезарю, измѣнителски убитъ шѣми, ко-
ихъ онъ осыпалъ благодареніями и кои за мину-
ту предъ убійствомъ улыбаются Дикпашору.
Побѣжденный на полѣ сраженія, приведенный
предъ судъ, осужденный, казненный предъ ли-
цемъ неба и земли, онъ могъ упрекать вра-
говъ своихъ въ неумолимомъ злодѣйствѣ,
но не могъ обвинять ихъ въ низкомъ вѣролом-
ствѣ.

И такъ политики Англіи никогда не были под-
вержены вліянію Греціи и Рима. Поспановленія и
законы наши, воздвигнутые людьми среднихъ вѣ-
ковъ, людьми, знавшими касательно новаго Рима
только Папскую его знаменитость, а касательно
Христіанской Греціи, только мнимую ересь ея,
пустили корни въ самой опечесивенной землѣ
своей, приняли печать феодализма и рыцарства
и естесивенно развились въ упробѣ среднихъ

вѣковъ, ихъ породившихъ. Претерпѣвая многія перемѣны опъ приращенія нашихъ силъ, опъ особенностей географическаго положенія и опъ шорговыхъ опношеній, они никогда не перяли особеннаго своего характера, согласнаго съ образомъ нашихъ мыслей; посему они вооружены особеннымъ, сильнымъ краснорѣчьемъ, исполненнымъ идіопизмовъ, непоняннымъ для иносранцевъ, таинственнымъ и необыкновеннымъ языкомъ, котораго вѣки не могли измѣнить. Баконы, Ралейги, Локки, Чапамы, Рюссели, Пипшы, Берки, Канинги, говорили симъ языкомъ и не хотѣли порпшить его перемѣнами. Они совершенспвовали древнюю конспишуцію, но не думали разбивать ее, чпобъ вылишь новую по Греческому или Римскому образцу.

Можетъ быть, провозглашатели республиканскихъ сиспемъ увлекли и прельспили нѣсколько ученыхъ и у насъ, но шакихъ, кои жили въ удаленіи опъ хода общеспвенныхъ дѣлъ. Множеспво ложныхъ свѣденій о древней испоріи сдѣлались общенародными: Эксейдъ между поэтами, Джонсъ между учеными, бредили республикою Платона и превозносили похваами Спаршанскую добродѣпель. Но примѣръ ихъ не былъ заразипеленъ. Вещеспвенныя наши выгоды опклоняли насъ опъ сихъ об-

манчивыхъ мечпаній. Напрошивъ того въ Италіи, во Франціи, онѣ еще царствуютъ и подвергаютъ опасности истинное полиппическое величіе ихъ жипелей. Классическій, Римскій духъ, коему они оспались подвласными со временъ паденія Рима, пригопавилъ ихъ къ принятію безъ разбора мнѣній древнихъ софисповъ. Едва просвѣщенные люди полуденной Европы спали помыслявъ о полиппическомъ успроеніи своего ошечеспова, какъ взоры ихъ обрапились на древнихъ; опышность начала совѣпавшись съ Плупархомъ и его подражаателями; энпузіазмъ наспроился по симъ опаснымъ образцамъ. Они приняли всѣ поняпія сихъ писателей о республикахъ древней Греціи, поняпія, по необходимости ошибочныя и почпи всегда пропивныя факпамъ. Они вѣрили только Плупарху, подданному Римской дряхлѣющей Монархіи, копорый смопрѣлъ сквозь обманчивую призму на спаринныя демокрапіи, призракамъ коихъ дивился.

Люди, считавшіе себя въ такомъ же положеніи, какъ Плупархъ, жадно читали его *Историческіе Опыты*, оппрывочный романъ сихъ опдаленныхъ временъ: не зная существенныхъ свойствъ свободы, ея источниковъ и ея слѣдспвій, они догадочно соглашались съ гипопеза-

ми, ни на чемъ неоснованными, съ декламаторскими преувеличеніями древнихъ. Это заблужденіе, смѣшное въ своемъ началѣ, было бѣдственно по своимъ слѣдствіямъ. Еслибы дѣйствія сего благоговѣнія къ древнимъ ограничились только краснорѣчивыми пирадами Жан-Жака, гнѣвными перифразами Верри и Фосколо, исполинскими каррикаатурами Алфieri, дерзкими спраниями Рейналя, многорѣчивыми умствованіями Мабли и школьными разпроспраненіями Ле-Бо, то посмѣяніе опдало бы имъ должную справедливоспъ. Но эспи писатели развратили общественное мнѣніе; вліяніе ихъ было важно, глубоко и кроваво: оно заразило будущноспъ народа; наполнило химерами воображеніе юношескѣва; оно дало Французской революціи характеръ пародіи и нелѣпаго подражанія. Анахарсисы Клоцы, Эбершпы, Робеспьерры, Сен-Жюспы, увлекшись чпеніемъ Руссо и Плутарха, слѣпцы, водимые слѣпцами, упали въ кровавую пропасть, едва не поглотившую вмѣстѣ съ ними всего ихъ опеческѣва.

Можетъ быть, что и безъ сего вліянія Французская революція могла бы вспыхнуть. Драма была бы также исполнена несчастій и ужасовъ. Но весь планъ, прибавочныя и спороннія обспояпелъспва, были бы другія. Школьныя восклицанія не сопро-

вождали бы ужасныхъ пресупленій и цѣпны рипорики не украшали бы эпизодовъ. Это припворство, эпа напыщенность, эпа пуслая шоржественность, эпонтъ псеаптральной паеосъ, коими пышутъ рѣчи Конвеннта и переписки Французскихъ дипломатовъ, не предали бы посмѣянню свѣта и попомснва народъ, всегда занимавшій первое мѣсто на поприщѣ Европейской образованности. Думашъ воскресить обычаи опдаленнаго времени и чуждаго народа, есшъ уже большое безуміе; но копѣшь оздашь мечпашельный и романическій міръ, существовавшій шолько въ книгахъ нѣсколькихъ фанпапсповъ, значишь походишь на героя Смоллепова а), копорый на чердакъ своемъ, обыкновенной кварпирѣ ученыхъ, пародировалъ праздникъ Луккуловъ и, наспавивъ на свой сиполъ древнихъ кушаньевъ, приготоовленныхъ по рецептамъ Аеенея Авла-Геллія, Колумеллы и Плинія, сиспематиически оправлялъ госпей своихъ.

И сколько пресупленій породилъ сей ложный взглядъ, сіе жалкое изспуленіе! Сколько крови пролипо для парадоксовъ, копорые прижились въ больныхъ головахъ мечпашелей! Сколько шруповъ нагромоздилъ фанапизмъ къ лож-

а) Докторъ, въ *Пегрегрий Пикл*.

нымъ Брутамъ и ложнымъ Тимолеонамъ Плуларха, благоговѣніе къ его фальшивымъ началамъ! Эпи софисты писали, что обыкновенная мораль ничтожна, что цѣль оправдываетъ средства, что пресупленіе можетъ быть доспыхвально: они удивлялись убійству, почитая его сверхъестественною добродѣтелью. «Французская революція,» превосходно сказалъ Беркъ—»шла отъ одного пвращенія къ другому. Она опиралась по очередно на всѣ историческіе факты, истинные и вымышленные, кои приводятъ въ недоумѣніе философа и потрясаютъ основанія общественной нравственности. Чѣмъ страннѣе, чѣмъ ужаснѣе былъ какой либо поступокъ; чѣмъ пруднѣе было отличіе въ немъ патриотизма отъ пресупленія, мягше отъ справедливаго прошивудѣствія, ненависть къ пирани отъ простаго убійства: тѣмъ болѣе спавили его въ примѣръ, тѣмъ болѣе хотѣли подражать ему.»

И пакъ писатели, коихъ пворенія возбудили въ новой Европѣ бѣдственный духъ сей, заслужаютъ важныя упреки. Въ нѣкопормъ opinioшнн можно къ нимъ же причислить и *Тита Ливіа*. Но значительныя особенності пославляють его въ ондѣльную отъ нихъ сферу.

Писавъ свою лѣпопись, Титъ Ливій былъ *Римскій Гражданинъ*, одинъ изъ повелителей свѣ-

та, повинующійся только Богу и Диктатору Республики: Римскій Гражданинъ, одинъ изъ Квириповъ, коимъ кланялись сонни царей. Древняя конспиративная міродержавная града пошатнулась отъ усилій времени; но геній Римскій существовалъ еще, гордость Римская оспавалась наприкосновенною. Напрошивъ Плутархъ былъ порабощенъ; униженіе Греціи пяглоило его душу; онъ вспоминалъ и преувеличивалъ славу древнихъ Еллиновъ, только для того, чтобы спереть и изгладить слѣды насмѣхающаго ихъ рабства. Порплеты его были писаны красками, какими пыльное воображеніе рисуесть небывалыя и несбыточные мечпы. *Титъ Ливій*, еще свидѣтель цвѣщущаго соспоянія Каппополя, видѣлъ въ прошедшемъ славный путь, приведшій республику ко всемірному владычеству. Исторія его, апофеозъ опечесства Римскаго, хотя невѣрна испинъ, но вѣрна Римскому духу. Если онъ преувеличиваетъ, то изъ гордости и желанія возвысить свое опечесство. Ему мало нужды до опвлеченной свободы: одинъ Римъ свободенъ и достоинъ быть имъ. Никакой историкъ не смотрѣлъ такъ мало на достовѣрность и такъ мало не взвѣщивалъ документиновъ. Онъ не имѣесть понятія о критикѣ и анализѣ.

Но великая ложь его Исторіи изложена удивительно! Онъ не имѣесть подобнаго себѣ въ

карпинныхъ описанiяхъ, въ легкости, живости, простотѣ и краснорѣчii. У него нѣтъ ничего безвкуснаго, принужденнаго, скучнаго и слабаго. Подобной неиспощимой плодovitости удачныхъ и блестящихъ картинъ, подобныхъ глубокихъ и благородныхъ мыслей, не найдемъ мы ни у кого другаго. Это ручей чистый, быстрой и излучистый въ своемъ теченiи, всегда одинаковый, всегда издающій гармоническое журчанiе, украшающій берега, кои лѣзетъ волна его, и вѣчно обновляемый въ своей свѣжести. Этого *урожаи* красоты, *lactea ubertas*, какъ говаривали древнiе, почти невѣроятны! И если бы единственными достоинствами Историки были сила, прiятность, живость, чистота, яркость и роскошество колорита; еслибъ для него довольно было сочинять прiятныя сказки и одѣвать ихъ слогомъ, въ коемъ нѣтъ никакихъ недоспашковъ; еслибъ знанiе фактовъ и изученiе характеровъ не входили въ составъ сей великой и трудной должности: то ни Фукидидъ, ни Тацитъ, ни Иродотъ, не сравнились бы съ *Титомъ Ливiемъ*.

Не буду долго и подробно разбирать повѣствованiй *Юлиа Цезаря*; ихъ должно причислить къ *Запискамъ* (*Mémoires*). Изящная ихъ краткость и важная простота достоинствъ великаго полководца, ихъ начертаваго. Онъ писалъ также, какъ дѣйствовалъ—какъ полководецъ,

какъ государственный человѣкъ, какъ политикъ. Рѣчь его повелительна, кратка, безъ прикрасть, быспра въ ходѣ своемъ и совершенна въ своей точности. Но эпопѣ удивительный образецъ автобіографіи не есть Исторія.

Саллюстій, часпо поспавляемый крипшикою наравнѣ съ Типомъ Ливіемъ, оспавилъ намъ шолько маловажные опривки, по коимъ, можешъ быть несправедливо былобы спрого судить талантъ автора. Слогъ его рѣзокъ, насмѣшливъ, надупъ, но быспръ и блиспашелень: эпо языкъ оспряковъ, кои поддерживаютъ вниманіе своихъ слушателей смѣлыми выходками, припворною грубостию и часпо мнимою замысловатостию. *Заговоръ Катилины*, замѣчательнѣйшее изъ оспавленныхъ имъ твореній, есть оспрыи и краснорѣчивый пасквиль, коего правдивость кажешся впрочемъ очень подозрительною. Въ немъ множествъ несовмѣстностей и прошиворѣчій. Саллюстій или передѣлывалъ факты въ угожденіе какойнибудь партіи, или не могъ опличить истины опъ лжи, среди прошивныхъ мѣнній, коими партіи вооружались одна противъ другой. Эпо одно изъ самыхъ темныхъ мѣспъ Римской Истории. Саллюстій нисколько не объяснилъ его.

Въ описаніи Саллюстія, и, можно сказать, во всѣхъ описаніяхъ, оспавленныхъ парііей,

одержавшей верхъ, эпонъ Капилина, другъ Цезаря и Цицерона, идолъ народа, умѣвшій привлечь на свою сторону большую часть гражданъ и значительное число патриціевъ, человекъ, долго носившій маску патрицизма и ревности ко благу общему, очерненъ, какъ злодѣй, погрязшій въ безднѣ преступленій! Онъ убилъ собственною рукой сына своего и обезчестилъ Веспалку. Какъ! Не ужели Цицеронъ могъ оспаривать Консульство у такого чудовища? Не ужели богатѣйшіе патриціи могли сдѣлать съ нимъ заговоръ обоимъ у Римлянъ всѣ имущества? Съ одной стороны предсказываютъ его хитрымъ лицемѣромъ; съ другой утверждаютъ, что домъ его былъ сходбище всѣхъ развратниковъ и развратницъ. Онъ хотѣлъ, говоря, наводнить Римъ кровію, уничтоживъ всякую подчиненность и предать городъ на разграбленіе: а между тѣмъ сообщники его были именно первые городскіе чиновники, богачи, кои должны бы всего опасаться отъ анархическаго переворота! Эпо Крассъ, Ленгуль, Юлій Кесарь. Говоря, что правительствовало знало о заговорѣ; но оно не пропихивалъ Капилинѣ, человеку споко опасному по своему уму, знаменности, мужеству и связямъ, уйти изъ города и возвратившись съ войскомъ осаждалъ Римъ! Говоря, что невольники и гладиаторы составляли часть его войска; а

послѣ мы видимъ, что глава заговора отказался принять невольниковъ и гладиаторовъ, «боясь» — (слова Саллюстія) — «чтобы не смѣшали дѣла ихъ съ дѣломъ гражданъ.» И такъ граждане участвовали въ замыслѣ Капилины? И такъ эпопей гнусный человѣкъ заманилъ въ свои сѣти, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ большую часть соопечесивенниковъ своихъ? И такъ онъ склонилъ обывателей, владѣльцевъ и чиновниковъ, сжечь и истребить собственныи свой городъ? Чтожь случилось по открытіи заговора и по спасеніи Рима? Граждане, вмѣстѣ со мною, чтобы возсылать благодаренія сановнику, защитившему ихъ отъ кровопролитія, оскорбили его, запящали консульство его знакомъ безславія и вскорѣ самого подвергли спорогому наказанію. Сколько несовмѣстныхъ явленій и грубыхъ противорѣчій! Кто будетъ такъ легковѣренъ, чтобы принять подобное описаніе, противное здравому разсудку и написанное врагами, обвинителями, судьями Капилины?

Когда сражающіяся партіи долго оспариваютъ другъ у друга побѣду и когда побѣдители на шрупахъ побѣжденных пишутъ исторію сраженія; то, я не знаю, могутъ ли безпристрастные люди вѣрить имъ. Помпей, имѣвшій многочисленныхъ друзей и сильное войско, угрожалъ Римской республикѣ. Многіе вооружились

прошивъ него: нѣкопорые, какъ н. п. Капилина, Цепегъ, самые смѣлые, самые запальчивые, бросились впередъ; другіе, оспорожные, боязливые, обезопасили себѣ возвращенный путь, и рѣшились, въ случаѣ неудачи и паденія Капилины, извлечь и отсюда свою пользу. Опирающъ силу силою сдѣлалось полипическою привычкою у Римлянъ: Силла, Помпей, Цезарь Марій, Гракхъ, всѣ начальники партій поступали также, какъ Капилина. Но сей послѣдній былъ побѣжденъ; воспоржеспиовавшая партія, для опмщенія себя, упопребила прошивозаконныя средства и, желая оправдать мѣры, прошивныя народнымъ поспановменіямъ, подшверждала клеветы на низложенныхъ враговъ своихъ. Саллюстій признается самъ, что публика почтчала сіи обвиненія неосновательными и выдуманскими, Рѣчи и переписка Цицерона также показывають, что таково было общесшвенное мнѣніе. И не всегда ли сильнѣйшая партія сперва клеветала на слабѣйшую, а потомъ уже подавляла ее? Не утверждалъ ли Филиппъ Красивый, что Рыцари Храма пьютъ человѣческую кровь? Развѣ не говорили про Жидовъ, что они кидають ядъ въ колодези и рѣки? Развѣ Пуритане не выпускали слухъ, что враги ихъ, Кавалеры, носили исподнее плащъ изъ выдѣланной человѣчьей кожи? Кто не помнитъ мнимаго замысла подорвать порохомъ Парламентъ въ Англіи, коего ис-

пишу должно бы почтывать доказанною, еслибы Парламентскія рѣчи, допросы и судопроизводство, защищенія адвокатовъ и слова публицистовъ, были доспапочныя доказательства? Вѣрыте этимъ неоспоримымъ современнымъ документамъ: они убѣдятъ васъ, что паписы зажгли Лондонъ и что извѣстный Эдмондсбюри Годфрей преперпѣлъ мученіе за вѣру. И при всемъ помъ сказки о чародѣяхъ не болѣе справедливы, какъ сіи подробности. Наконецъ поняли, что заговоръ паписовъ былъ полипическая выдумка, сдѣланная безсовѣстными вельможами, подшвержденная безспѣдными лжесвидѣтелями, принятая за истину предубѣжденнымъ народомъ и имѣвшая кровавыя слѣдствія. Чпобы разувѣриться въ ней, нужно было много времени. Полипики, узнавъ наконецъ истину, оспавили эту пищу легковѣрія шѣмъ, кои были сполько слѣпы, что могли находить въ ней удовольствіе. Басня сія сперва перешла изъ суда къ духовенству, попомъ къ женщинамъ-спленицамъ, попомъ къ шарымъ членамъ Парламента; наконецъ шеперь уже никто ей не вѣритъ.

Изъ испориковъ, коимъ я сдѣлалъ обзоріе, иные погрѣшаютъ противъ истины, другіе не имѣютъ изящества колорита; шѣ, кои обладаютъ искусствомъ составлать романъ изъ Ис-

шорін, не понимающъ ее философически; у другихъ, кои умѣющъ разсказывать, нѣтъ криптики; тѣ, кои шочны, какъ Полибій, не умѣющъ оживлять картинъ своихъ. Есть также, копорые, подобно Плутарху, направляющъ доказательство свои въ пользу ложной философіи, или, какъ Саллюстій, въ пользу поржеспвующей парніи.

Но писатель, превосходящій всѣхъ философическимъ взглядомъ, талантомъ драматическимъ, важностію и возвышенностію мыслей, есть *Тацитъ*.

Если вы хопите, чпобъ предъ вами двигались недѣлимые лица, живые характеры, наспоящіе люди; чпобы глубина души человѣческой, пайныя побудипельныя причины ихъ дѣйствій, сокровенныя элемены ихъ мыслей, явились во всей наготѣ предъ глазами вашими; если нужно, чпобы Римскій Шекспиръ вызвалъ на сцену своей Испоріи актеровъ, болѣе ужасныхъ, чѣмъ Яго, волнующихъ спраспями болѣе мрачными и пламенными, чѣмъ Отелло и Макбетъ: то чипайте Тацита. Шекспиръ и Тацитъ величайшіе драматтики. Гамлетъ выдѣлся изъ воображенія перваго; второй списалъ съ натуры Тиверія. Оба сіи писатели обнажаютъ предъ нашими взорами малѣйшіе опшѣнки характеровъ, во

всѣхъ ихъ видахъ, во всѣхъ положеніяхъ. Они подвергаютъ сердце человѣческое подробнѣйшему анализу: они равно искусны покрывающъ анализъ сей яркимъ и сильнымъ колоритомъ, исполненнымъ огня и производящимъ сильное впечатлѣніе. Всѣ сіи качества принадлежатъ равно и Шекспиру и Тациту. Эти два гения были словно родные братья! И какъ ни велико различіе поприщъ, по коимъ они шли: но въ драмахъ Англійскаго прагика замѣтны глубокая зоркость и неумолимая проницательность Римлянина; тогда какъ лѣпопись современника Траянова блистаетъ пѣмъ же разнообразнымъ, живымъ свѣтомъ, копорый играетъ въ пвореніяхъ современника Елисаветы.

Тацитъ не имѣетъ себѣ соперника между древними. Иродотъ любитъ разговоры и чудеса; но гений его эпическій, а не драматическій. Его разсказъ, безпреспанно прерываемый рѣчами дѣйствующихъ лицъ, живъ и исполненъ огня; но у него всѣ люди, и мужчины и женщины, говорятъ однимъ языкомъ. Фукидидъ болѣе искусный и проницательный, умѣетъ различать опшѣнки и чертитъ абрисы; его Вразидъ, Клеонъ, Никій и Периклъ, сняты съ напуры и понятны. Очеркъ ихъ характеровъ вѣренъ и рѣзокъ; но одинъ очеркъ нераскрашенный не удовлетворяетъ чинашеля; имъ не доспаетъ пѣней и

украшений; это прекрасныя Эпирусскія фигуры — и только! Ксенофонъ много болшаесть, умспе-
вуетъ до безконечности, говоритъ все, что ду-
маесть о томъ или другомъ человѣкѣ: но эпосъ
педантизмъ не оживляетъ ни одного изъ актеровъ
его театра. Герои Типа Ливія, нелѣпые и глу-
пые въ своихъ добродѣтеляхъ и героизмѣ,
едва уступаютъ въ безуміи героямъ Плутар-
ховымъ, истиннымъ селадонамъ патриотизма
и великодушія. Имъ всѣмъ вообще и безъ разбо-
ра приписывается одинаковое рвеніе и величіе
души, такъ какъ всѣмъ даются тѣже звучныя
названія, тѣже похвальные эпитеты.

Напротивъ посмотрише на героев Тацита:
особенность характера ихъ изливается на всѣ
ихъ дѣйствія, оживляетъ и описываетъ каждое
ихъ слово. Онъ не довольствуется приспавле-
ніемъ къ собственному имени эпиграммати-
ческаго каталога добрыхъ и худыхъ качествъ.
Его Клавдіи, Нероны, Отоны, Вителліи и Агри-
пины, живутъ, говорятъ, ходятъ, дѣйствуютъ
и умираютъ. Намъ кажется, что мы жили въ
ихъ дворцѣ и пользовались ихъ довѣренностію;
Тацитъ, такъ сказать, сужаетъ насъ удиви-
тельною своею проницательностію. Для то-
го, чтобы мы могли лучше о нихъ судить,
онъ, то окружаетъ ихъ всѣми драматическими
принадлежностями, то вскрываетъ прелещающее

сердце ихъ знапомическимъ ножемъ. Сей великій живописецъ нашелъ доспойный себя образецъ: это Тиверій, коего порпретъ есть чудо искусства! Вотъ мрачная душа, коей многочисленные стобы шакъ глубоко скрываютъ испину, что Тиверія можно считашъ загадкою, непонятною для себя самага. Въ юности, поддѣльные добродѣтели обвивали испинный его характеръ тайнственными пеленами; дикое одиночество въ спароспи довершило дѣло, начатое припворсшвомъ въ молодыхъ лѣтахъ. Таланпы его еще болѣе увеличивали неслыханную сложность его характера; и припворѣчаще пороки, кажешся, взаимно исключали другъ друга. Ввеси чипашеля въ эту мрачную пещеру съ пысячами извилинъ; сдѣлашъ, шакъ сказашъ, прозрачными мнимыя добродѣтели пиранна и сквозь оболочку ихъ дашъ замѣпипшъ гнусную существенность, подъ ней скрышую; показашъ, какою поспепенноспію, первый чиновникъ Республики, сенаторъ, свободно вмѣппивавшійся въ сужденія о дѣлахъ общеспивенныхъ, паприцій, равный правами со всѣми Римскими аристократами, дошелъ до того, что наконецъ сбросилъ личину республиканскаго брашства и превратился, предъ очами своихъ соперниковъ, въ Азіяпскаго деспота, жаждущаго крови и упоающаго въ удовольспвіяхъ; сдѣлашъ понятной эту непоспижимую

смѣсь мужества, хладнокровія, наспѣчивости и скрипности, эпю развращенную прихотливостъ, это изступленіе порока, это совершенное извращеніе всѣхъ нравственныхъ началъ; показавъ дѣйствіе старости и приближенія смерти на сіе странное смѣшеніе слабости и силы; испытавъ сей дѣятельный и зоркій умъ, переживающій крѣпость плѣсную: начерпавъ изображеніе вѣтхаго мировластителя, подъ игомъ дряхлости, которая только увеличиваетъ его жеспокость, спрассъ къ удовольствіямъ и кровавыя прихоти: паковъ великій трудъ Испорика Тиверіи! Онъ умираетъ; горячка прихотливой чувствительности сѣдала его, предвидѣніе близкаго конца мучило: но до послѣдняго издыханія, онъ пребылъ глубочайшимъ наблюдателемъ, искуснѣйшимъ припворщикомъ, ужаснѣйшимъ изъ повелителей. Какая обширная обязанность, и съ какимъ совершенствомъ Тацитъ ее выполнялъ!

Но не смотря на превосходство своего генія, Тацитъ; удивительный романистъ, неподражаемый драматикъ, болѣе удовлетворялъ бы спротивныхъ мыслителей, еслибъ былъ простиѣ и натуральнѣе. Онъ иногда ошибается опъ излишества анализа; хочетъ произвестъ сильное впечатлѣніе и слишкомъ усиливаетъ краски; не видитъ и не рассказываетъ ничего, не приискивая причинъ и опдаленныхъ объясне-

нѣй. Слогъ его не историческій. Онъ разкрашиваеиъ, какъ Рембрантъ, и противоположеніе свѣта и тѣни у него слишкомъ рѣзка. Можно подозрѣвать, что онъ далъ достоверность и жизнь не одной гипотезѣ, что онъ употреблялъ иногда во зло свою проницательность, для того чтобы искалъ спранныхъ причинъ дѣйствіямъ, весьма натуральнымъ. Фукидидъ, не столько блестящій, не столько богатый прагматическими и занимательными мѣстами, какъ онъ, съ другой стороны менѣе напаянутъ, менѣе изысканъ. Читайице Тацита въ опривкахъ: вы предпочтете его всѣмъ извѣстнымъ писателямъ; но прочтете всѣ его творенія; онъ потеряютъ часть своей занимательности; эта непрерывность сильныхъ, поражающихъ, чрезвычайныхъ сценъ, не произведетъ равно сильного и глубокаго впечатлѣнія на умъ вашъ. Наконецъ, если размыслишь о смѣшеніи глупостей и неспешивностей, влепаемыхъ случаемъ въ сложную ткань судьбы нашей, то не лзя не подумать, что Тацитъ часно снанилъ свои понюскы и предположилельныя заключенія на мѣсто случая и ученымъ образомъ толковалъ самыя мѣлочныя обстоятельствова, самыя ничтожныя приключенія.

До сихъ поръ мы, подобно приходскому священнику въ Дон-Кихотъ, брали по одной книгѣ въ библиотекѣ, копорую хотѣли подвергнуть на-

шему разсмотрѣнію. Эпопѣя способъ былъ удобенъ для разбора древнихъ испориковъ, коихъ число незначительно. Но мы дошли до временъ новѣйшихъ. Испорики сей новой эпохи не только разнялся отъ Оукидида и Тацита; но изобрѣшеніе книгопечатанія, разпространеніе просвѣщенія и успѣхи гражданственности, даровали каждой странѣ по нѣскольку замѣчательныхъ испориковъ. И пакъ я скажу о нихъ вообще и означу главныя характеристическія черты, отличающія ихъ отъ летописцевъ древности.

Вообще новѣйшіе Испорики, не столь драматическіе и не столь краснорѣчивые, изыскиваютъ истину съ большимъ рвеніемъ и добросовѣстностію. Они не почишаютъ себя обязанными впадать въ плодовитыя рѣчи въ уста дѣйствующихъ лицъ, ни прибавлять вымышленныя описанія къ рассказамъ о истинныхъ фактахъ. Занимательность повѣствованія безъ сомнѣнія чрезъ то уменьшилась, но за то достоверность увеличилась. Романъ Исторіи поперлъ свою цѣну. Эпоу улучшеніе совершилось постепенно. Фруассаръ, Иродотъ Франціи, и Жуанвиль, хотя не столь живописный, не столь плодовитый, какъ первый, оба суевѣрны, многорѣчивы и не освѣщены крипикой; но ихъ читаютъ еще съ удовольствіемъ, даже тѣ, кои опчаспи несогласны съ ихъ мнѣніями. Школа, гораздо ученѣйшая,

прежняя школа лѣтописцевъ, образовалась въ Италіи, спранѣ, которая была для новѣйшаго просвѣщенія позже, чѣмъ Греція для просвѣщенія древняго. Макиавелли и Гиччардини снова открыли тайну великаго историческаго спила. Но примѣръ Фукидида и Тита Ливія, энтузіазмъ возбужденный древностію и господствомъ школьнаго образа мыслей, примѣшали нѣкоторые оппѣнки педантизма къ швореніямъ сихъ замѣчательныхъ людей. Мы еще находимъ у нихъ рѣчи, приписываемыя историческимъ лицамъ и сочиненныя по образцу тѣхъ, кои всѣ древніе историки влагаюшъ въ уста своихъ героев. Сія нехвая привычка, преимущественно вкоренилась во Франціи, спранѣ въ высшей степени исторической, гдѣ разпространенія возбуждаюшъ всегда удивленіе.

Если новѣйшіе историки болѣе вѣрны истинѣ, чѣмъ древніе, то не опъ того, чѣмъ показываютъ болѣе проникательности и генія, а опъ того, чѣмъ, бывъ скромнѣе и боязливѣе, менѣе опваживались, менѣе предспавляли выдуманыхъ фактовъ и не спомъ слѣпо вѣрили слухамъ. Въ Философіи Истории они, безспорно, превзошли своихъ учителей. Эпо превосходство имѣешъ много причинъ, коихъ изложеніе не будетъ здѣсь бесполезно.

Первая и важнѣйшая изъ всѣхъ есть успѣхъ анализа и всѣхъ опытныхъ наукъ.

Со времени паденія Римской Имперіи, горизонтъ мыслей чудесно увеличился. Сношенія между народами сдѣлались чаще, идеи яснѣе и ширѣе, открытія рождались изъ открытій. Книгопечатаніе не допустило погнѣбнуть ни одной изъ добычъ ума человеческого; ни одно поколѣніе не исчезло съ лица земли, не оставивъ по себѣ богатства наслѣдія потомству. Подъ властію язычества, вкусъ, воображеніе, красоты слога, таланты убѣжденія, изящныя искусства, блескъ импровизовъ, нѣжны поэзіи, сыпались опять пылающимъ обществу, какъ искры опять раскаленного жельза подъ ударами молотка. Но въ естественныхъ и моральныхъ наукахъ мало было успѣховъ. Плиніи Старшій зналъ не лучше Аристотеля законы всеобщаго пятотѣнія, Сократъ не опередилъ Сократа въ психологическихъ наблюденіяхъ. Начала управленія, законодательства и государственнаго хозяйства, отъ Перикла до Юлія Цезаря, ни сколько не усовершенствовались, ни со стороны основательности, ни со стороны практической пользы. Духъ человѣческій, прежде столь бѣспырный въ литературномъ развитіи и въ порывахъ красноречія, закоснѣлъ и на семь попрощѣ. Напротивъ новѣйшіе дѣлали въ одинъ

вѣкъ болѣе опикрыпій, чѣмъ древніе въ двѣ тысячѣ лѣтъ; они не блуждали, не дѣлали крюковъ въ своемъ ходѣ; не вершались вокругъ истины, не достигая ее: но, разрушая мало по малу вкоренившіеся заблужденія, пролагая себѣ дорогу сквозь чащу сшибочныхъ мнѣній, какъ пушникъ въ дремучемъ лѣсу, копорый хочется ему сдѣлать проходимымъ, медленно и поспешенно создали астрономію на развалинахъ аспрологін, химію на пеплѣ алхиміи, географію и сиспему планетъ на обломкахъ множесшва мечпашельныхъ теорій. Въ XV вѣкъ лучше знали мореплаваніе, чѣмъ въ XII; въ XVI лучше соспавъ челоѣческаго шѣла, чѣмъ въ XV; въ 1700 году рушилась сиспема Коперникова; а въ 1800 планетное приращеніе спало изѣспико даже проспому народу. Доспашочно было пятидесяти лѣтъ, чпобы начала правовѣденія были опикрыпты, изсподованы, объяснены, приведены въ сиспему, собраны въ курсъ ученія, приняты опланными людьми всѣхъ нарпій, даже законодательными собраниями и освящены народными договорами.

Не такъ было у Римлянъ и Грековъ. Избалованные дѣти древняго просвѣщенія, они распочали свои сокровища ума и доблести, не оспашая ничего будущимъ поколѣніямъ. Они починали оспашную часпъ людей варварами, ничего у нихъ не заимспивовали, не посправляли лож-

ныхъ своихъ идей наблюденіями другихъ народовъ, презирали всѣхъ иноспранцевъ, изучали только однихъ себя, заключали въ шѣсныя предѣлы всю свою умспвенную силу и сосредоточивали на себѣ все свое вниманіе. Со времени Гомера, Греки начали почипать себя особеннымъ, выспшимъ поколѣніемъ. По мѣрѣ того, какъ образованность ихъ развивалась, возрасталъ гордость; и родъ удивленія, съ коимъ они смотрѣли на богатства Тира и Сидона, не ослаблялъ въ нихъ сего исключительнаго самолюбія, сего глубокаго почтенія къ себѣ—и только къ себѣ однимъ!

Это чувствовъ народной опдѣльности господствуетъ во всей ихъ Испоріи. Эллинская религія, Эллинское правовѣденіе и нравы, проводятъ между ними и другими жителями земнаго шара глубокую пограничную черту. Всѣ они, монархической, аристократической или республиканской партіи, всѣ имѣютъ фамильное сходство, котораго не лзя не замѣтить: живутъ ли они въ горахъ Дориды или на островахъ Архипелага, Греческій оппечатокъ оппичаетъ ихъ опъ всѣхъ другихъ въ глазахъ наблюдателя: они ни Азіатцы, ни Западные народы; они Греки и — гордятся тѣмъ! Паденіе Мардонія и опспушленіе Ксеркса увеличиваютъ ихъ гордость; варвары въ глазахъ ихъ существа низ-

наго произхожденія: имъ однимъ боги дали добродѣтель, мужество, силу и разумъ; имъ нечему учипся у варваровъ; Греція должна бытъ не только повелительницей, но и учительницей свѣта. Съ тѣхъ поръ она ничего не заимствуетъ, ничему не учипся; наблюдаетъ только себя, не переводитъ никакого иноспранныго пворенія, обращаетъ взоры только на себя. Не лзя предсавивши ни одного опрывка, извлеченнаго изъ какого нибудь иноспранныго писателя, жившаго до Августа; откуда явно, что Греки не признавали достоинства ни въ какой литературе, кромѣ ихъ собственной.

Когда въ Римѣ явились свои ораторы и поэты, они были предметомъ презрѣнія для сего уничиженнаго народа, бѣжавшаго предъ орлами Капполоія и пренесавшаго подъ ихъ игомъ. Вольперъ, въ одномъ изъ шеспи пысячь пасквилей, которые соспавляютъ его пворенія, хвалился, что онъ первый изъ писателей открылъ Французамъ, что въ Англіи были великіе люди, кромѣ Герцога Марлбурга. Грекамъ нуженъ былъ Вольперъ, который сказалъ бы имъ, что Виргилій и Лукрецій были не безъ достоинства. Имъ были извѣсны Павелъ-Эмилій, Силла и Цезарь: но Пакувій и Цицеронъ внушали имъ такое же почтеніе, какое Шекспиръ возбуждалъ въ Буало. Діонисій, криптикъ, жилъ въ то время, когда Римская поэзія и краснорѣ-

чье блистали яркимъ, живымъ свѣтомъ: онъ научился языку своихъ повелителей, приобрѣлся къ Римскимъ нравамъ и написалъ исторію Лаціума. И чптоже! Сей ученый кажется совсѣмъ не подозрѣваеиъ, чптобы Римскіе писатели имѣли какое нибудь достоинство; онъ ни разу не ссылается на Цицерона; кажется, почитаетъ важными только спарыя лѣтописи, государственные архивы, докуменпы публичные; одинъ стихъ Энія—(единственная цинапа заимствованная имъ у Римлянъ)—приведенъ имъ для рѣшенія эпимологическаго спора.

Римляне, напрошивъ, покорились пребыванію народа, копоуый они поработили и подавляли своимъ презрѣніемъ. Эпическій поэтъ ихъ, рабскій подражатель Гомера, приписывалъ своему опечесиву только превосходство оружія и полипики; онъ успуналъ Эллинамъ вѣнецъ наукъ, краснорѣчія и вкуса; Греческій языкъ былъ для Римлянъ нарѣчіемъ ученыхъ, языкомъ мысли и просвѣщенія. Помпоній выдавалъ себя за Аѳинянина: эпо умственное водвореніе въ права гражданства Аѳинскаго было въ глазахъ его выше всѣхъ почестей, коими могло наградишь его опечесиво. Цицеронъ и Цезарь сочиняли Греческія поэмы и рѣчи. Сіи опыпы, писанные на чуждомъ языкѣ, они считали выше пѣхъ пвореній, кои обезсмертили ихъ; шакъ Пепраркъ думалъ

прославишь себя плохими Лапинскими гекзаметрами, копорые въ шеченіи шрехъ въкопъ еда прочли при или чепыре педанца, и презирага звучный языкъ, копорый придаешъ шакуга прелеснь его сонешамъ и *санзоні*. Запа предубѣженіе сущесшовадо долго. Юліана Опи спущникъ зналъ только по Гречески; она по умѣлъ вѣрно и пріятно извясняшъся на языкѣ народа, копорымъ управлалъ. Онъ презиралъ Лапинъ, шакже какъ Фридрихъ Прусокій жерпшовавъ Нѣмецкимъ языкомъ Французскому...

И шакъ великій и единспвенный источникъ Римской Липературъ былъ Греція. Римляне заимспвовали у Грековъ систему мѣръ, философскіе шермины, идеи и образы, кои служашъ для поэзии испочникомъ и украценіемъ ая швореній, самыя основанія эспешики и морали. Труды другихъ народовъ не возбуждали въ нихъ ни малѣйшаго любопытсшва. Священныя Книги Евреевъ, кои, кромѣ своего божесшвеннаго проискожденія, во всѣхъ отношеніяхъ, предопашающъ шакое богатый рудникъ, шакое любопытшное собраніе факцовъ для любшела древнеспей, для философа и для шриптика, сш Книги не обращили на себя вниманія ни одного изъ Римскихъ писашелей и не были никѣмъ разобраны. Римляне еда бросали взоръ на умирающую вѣру Іудейскую

и на раждающееся Христианство, утиѣпали Евресъ, гнали Христианъ, смѣялись надъ Пяпикнижіемъ, но никогда не изслѣдовали книгъ Моисея. Ювеналь менцешъ сарказмъ на Библию, Лонгинъ невѣрно приводишъ изъ ней одишъ оппрывокъ. Равнодушіе удивительное, если размыслишъ о поэпической возвышенности, о испорической важности, о новыхъ и особыхъ взглядахъ на человѣческую природу и на общеспвенныя опношенія, кои заключающа въ швореніяхъ Евресъ; а особенно, если вспомнишъ, чпо обѣ вѣры, принимавшія Библию за общій законъ и за правило жизни, были предметомъ спраха и независности, какъ для Императоровъ, такъ и для народа.

Однимъ словомъ, Греки удивлялись шолько себѣ; Римляне, презиравшіе Грецію, удивлялись шолько ея линшпературной славы. Опсюда происходило сильное опвращеніе опъ всѣхъ формулъ мышленія, кои не согласовались съ принятымъ образцемъ. Умъ человѣческій, коего производительная сила не обновлялась никакимъ завоеваніемъ, никакимъ новымъ приобрьпеніемъ, испощился и выродился, подобно лошадамъ, конхъ первобытная красота мало по малу исчезаешъ, когда не дѣлающъ новыхъ улучшеній въ ихъ породахъ. Поспоянно держась однѣхъ и шѣхъ же идей, ихъ испощали, мучили до нельзя: мыслей не спало, опсались одні слова. Спарый сокъ дерева

истощился и потерялъ силу; вмѣсто того, чтобы возвратить ему энергію, подливъ новаго, свѣжаго соку, ему дали лишиться всей пипапелельности. Изучали одинъ только родъ идей, одинъ порядокъ вещей; привыкли удивляться только одному образцу. Къ сему образцу приводили все; исключенія сдѣлались общими правилами; отдѣльные примѣры законами. Предразсудки почивали естественными влеченіями, софизмы началами. Индивидуальный человѣкъ, выработанный, въ маломъ уголкѣ земли, Греческой и Римской общеспвенной жизни; образъ правленія, созданный Греками и Римлянами—безъ сомнѣнія были предметами многихъ удачныхъ и глубокихъ наблюденій: но человѣкъ вообще, правленіе само по себѣ, психологія и политика, были оставлены безъ вниманія; попому что изъ одного отдѣльнаго факта выводили цѣлую теорію; во всемъ свѣтѣ видѣли только Грецію и Римъ; поправки, улучшенія и ухудшенія, коимъ политическое состояніе Рима подвергалось въ послѣдствіи, не произвели никакого исправленія въ теоріяхъ; переменны были только наружныя; до основаній дѣло не доходило.

Такимъ образомъ родъ человѣческой шель пушемъ шемнымъ, безъ всякаго выхода. Гигантское самовласіе Цезарей, превращая всѣ народы въ Римлянъ, изглаждая всѣ характеристическіе опш-

пѣнки, сплавляя, такъ сказать, весь свѣтъ, еще болѣе увеличивало зло.

Посмотрѣвъ на нравственное состояніе свѣта въ концѣ принадлежащаго столѣтія. Кажется, всякая надежда на улучшение исчезла, Судьбѣ человѣческаго рода открывается мрачная перспектива. Пышная ничтожность эпикиста, споль же ребяческаго и смѣшнаго, какъ эпикептъ Эскуріальскій, заслупила мѣсто могущей Римской республики. Государь почти невидимый; цѣлый народъ придворныхъ, ко- его все величіе и важность состоятъ въ одеждѣ и въ шиплахъ; огромныя слова и мѣлкіе люди; ризоры повпоряюще по, что уже сказано было тысячу разъ; школы, въ коихъ учились только заблужденіямъ, вкоренявшимся въ продолженіе двадцати вѣковъ; вошъ каковы были главныя пружины политическаго и общественнаго механизма; вошъ средства и формы, коими хотѣли упрочить счастье несмѣннаго числа людей, лучшей части человѣческаго рода! Римской образованности угрожали не спрашныя бури, не сильныя поспрашенія, не кровавыя капаспрофы, кои изнуряюще общество, но припомъ и обновляюще его; ей грозилъ бичъ гораздо ужаснѣйшій, смертельное оцѣпененіе, продолжительная чахотка, безчувствіе дряхлости, кои только для того продолжаютъ жизнь народовъ, чтобы сдѣлать спароси, ихъ

болѣ жалкою и презрѣнною. Тогда все каменѣетъ; мысль убиша; языкъ перестъ числоту; краснорѣчіе заикается; поэзія спланируется эхомъ; искусство ремесломъ. Жилы обществѣннаго шѣла леденѣютъ отъ безсмертія Кишайскаго, гороспнаго безсмертія спраданий и скуки. При Діоклишіанѣ, Имперія шла уже къ сей плачевной дѣли; тогда образовался родъ неподвижнаго мандаринства, которое, еслибы успѣло утвердиться, то осудило бы свѣтъ на неподвижное спяніе и заградило бы путь всеобщему усовершенствованію. Ничто не двигалось ни впередъ, ни назадъ. Правленіе, мораль, нравы, философія, все было условлено, основано на эвклидѣ; все основало въ пустыхъ обрядахъ. Приобрѣтенныя познанія дѣлались безплодными, будучи потребны подъ корою всеобщаго оцѣпененія, которое препящивало всякой въ нихъ перемѣнѣ, всякому увеличенію, всякому поврежденію; это были кусокъ золота, скрытый подъ землею и безполезный для владѣльца.

Двѣ великія революціи, одна нравственная, другая политическая, разрушили очарованіе, поширили усыпленное человечество и возвратили свободу связаннымъ его способностямъ. Одна изъ сихъ революцій произошла извнѣ, другая была внутренняя. Мечъ варваровъ открылъ людямъ новую жизнь дѣятельную. Кровь полилась; пылота

глупостей, тысячи пресуплений сыпались со
всѣхъ споронъ; едва развившееся Хриспіанство
окрыжилось безчисленными заблужденіями. Но
вущемъ заблужденій, софизмовъ и глупостей,
шли къ благородной цѣли. Общество возмущи-
лось до самаго глубочайшаго дна; иль и пина
искали на поверхность: но эшо самое возпрепят-
ствовало гніенію, коему безъ шого подверглась
бы сія огромная масса. Буря лучше пышины
сметаетъ водѣ.

Но одного мирнаго явленія Хриспіанства не бы-
ло бы недоспащочно для спасенія образованности.
Эшо средство, сколь ни велико было его дѣйствіе,
не было еще довольно сильно. Конечно, спарая си-
стема нравственности сокрушилась; прежняя
метафизика исчезла; средопочіе человѣческаго
вышленія перемѣнило мѣсто. Логику предспоя-
ло поддерживающъ другія положенія; ринору ук-
рашающъ другія доказательства пріятностями
длога. Жизненное начало спало колебающъ мерц-
вое общество: исполинскій шрутъ порабо-
щенной Имперіи пробудился, изумленный, у-
видѣвъ себя добычей бурныхъ движеній де-
мократическаго духа. Сін спада людей долго
переходили ошъ одного Нерона къ другому, не
испуская ни одного жалобнаго крика, ни сколько
не пропиваясь своимъ мучипелямъ; но все пе-
ремѣнилось подѣ вліяніемъ Хриспіанства; они
бояшомъ ереси, вооружающся за вѣру, прешерпѣ-

вають мученія, оглашають своды храмовъ обновленнымъ краснорѣчіемъ; сіи рабы суевѣрія и невѣжества, прежде споль безмолвные, превращающіся въ ревностныхъ проповѣдниковъ истинны и религіозными идеями возспановляютъ свое упраченное и утасшее доспоинство, силу и независимостъ.

Но сего еще недостапочно! Послѣ сильного соприясенія Конспанпинополъ впалъ въ большую оцѣпенѣлостъ. Хотя обращеніе Рима въ Хриспіанскую вѣру перемѣнило ходъ мыслей, но оно не могло возврапипъ силу и величіе обмѣлвпимъ душамъ. Зрѣлище спранное, коему не находимъ подобнаго въ испоріи! Дивипъся и недоумѣваешъ, видя сіе общество образованное, но мерпвое, управляемое многосложною системою несправедливой юриспруденціи; общество роскошное и умѣющее наслаждапъся, но не умѣющее ни защищапъ, ни соверпенствовапъ себя; общество рабское по привычкѣ и опылъни, неспособное ни сдѣлапъ какое-либо опкрыпше, ни произвеспи замѣчашельное пвореніе, ни увеличипъ круга своихъ знаній; общество, копское прожило ппсычу лѣтъ, не завѣщапъ своимъ попомкамъ ни одного новаго начала, ни одной богатой аксіомы, ни одного полезнаго опыта. Войны, мяшежи, возмущенія, споры, совершенно бесполезные для человѣчества, перзали его, не придавая ему жизни, и окончашельно разрушали

ослабиши пружины его. Это была, пакъ сказанъ, гнилая вода, волнуемая собственнымъ въпрокъ, но не очищаемая имъ; шрупъ, подверженный влиянію гальванизма, являющій удивленнымъ взоромъ движенію жизни, коей въ немъ нѣтъ и никогда не будетъ.

И пакъ нужно было другое средство, физическое; нуженъ былъ ужасный бичъ, способный испребишь, вмѣстѣ съ зараженными членами, тяжкій недугъ, овладѣвшій народами. Богъ послалъ эпопъ бичъ; онъ успремилъ сыновъ Сѣвера на Римскую Имперію; Онъ наказалъ эпу порчу ума и воли, наводнивъ кровію города, поля и горы; онъ уничтожилъ сію застарѣлую язву, которая исчезла съ лица земли, вмѣстѣ съ пошребленнымъ народомъ, какъ моровое повѣтріе въ Лондонѣ прекратилось, когда огонь испребилъ сію столицу.

Ужасное очищеніе! Десять вѣковъ убійства и варварства были нужны, чтобы искоренить послѣдніе зародки нравственной болѣзни, скрытые въ мрачныхъ стѣнахъ, чтобы очистишь сію атмосферу, погубную для патриотизма, добродѣтели, знаній и счастья людей; только по прошествіи сихъ десяти вѣковъ могло начаться второе образованіе запада: тогда-то Еврона, избѣгнувъ Кипайской департи, подняла главу: все для ней перемѣнилось. Азіатской монархіи

уже не было; образовался великій союзъ народовъ съ одной религіею, но съ различными правами, законами, языками и обычаями. Тысячи различныхъ народностей возникли изъ обломковъ опрокинушаго колосса; всѣ новыя государства, равныя правами и одушевленные одинаковою гордостью, привыкли взаимно наблюдать, уважать, ненавидѣть другъ друга; ни одно изъ нихъ не думало обладать всѣми другими и поглощать ихъ. Между ними возникло соперничество, имѣвшее счастливыя слѣдствія; что было открыто, разобрано, усовершенствовано однимъ народомъ, то обращалось къ пользѣ его соперниковъ: опытъ сего-то равновѣсія умственного и нравственнаго, сѣверныя страны имѣли вліяніе на южныя; прощеспанскіе народы примѣромъ своимъ произвели перемѣну въ католикахъ; знанія разливались во всѣхъ направленіяхъ; отдаленныя отраженія ихъ въ Азію и на Востоку сближались съ Европейскими. Нѣтъ болѣе однообразія, монополіи; все становится дѣятельно, соревнованіемъ, наблюдениемъ, противоположеніемъ, разнообразіемъ. Особенности отдѣляющія и образующія. Общество и природа человѣческая представляющія наблюдателю въ безчисленномъ многообразіи видовъ. Какъ единство (хотя насильственное) было девизомъ міра древняго, такъ девизъ новаго міра есть разнообразіе. Анализы, наблюденія умножаются;

приведеніе фактовъ въ систему и исправленіе ложныхъ началъ спланившихся легкимъ.

И дѣйствительно, сколько успѣховъ сдѣлало нынѣ обобщеніе идей! Начиная съ эпохи Христіанскаго просвѣщенія, какими глубокими изслѣдованіями, какими непрерывными сравненіями достигли до того, что различающіе теперь переходящія формы опть вѣчныхъ началъ, мѣстные предразсудки опть общихъ идей, исключенія опть правилъ, случайныя факты опть теорій! Прежде, проницательнѣйшій гений, не имѣя почевъ сравненія, смѣшивалъ случайности съ природою вещей, принималъ за сущность правленія то, что было только временное и переменны, нарушавшія обыкновенный порядокъ, находилъ споль же важными, какъ и основныя законы, посредствовъ коихъ вѣчная истина управляетъ обществомъ. Новѣйшіе писатели не могутъ снова вносить въ подобныя заблужденія: и посредственныя умы въ семъ отношеніи знаютъ болѣе Фукидида и Тацита. Таковъ общій характеръ Испориковъ новѣйшей Европы: въ нихъ меньше гения, но больше крипики, меньше восторженной фанпазіи, но образъ мыслей вѣрнѣе; болѣе учености, анализа, полноты.

(EDINBURGH REVIEW).

V.

НОВОСТИ

ИНОСТРАННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(A)

НѢМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

—Das Recht des Besitzes. Eine civilistische Abhandlung von Dr. Friedrich Carl von Savigny. Fünfte vermehrte und verbesserte Auflage. Gießen, 1827. (ПРАВО ВЛАДѢНІЯ. Трактастъ изъ Права Частнаго Гражданскаго, соч. Доктора Фридриха Карла фон-Савиньи. Изданіе пятое, улучшенное и умноженное. Гиссенъ, 1827).

(окончаніе).

Г. Савиньи, утвердившись въ формальномъ понятіи владѣнія, приступаетъ къ опредѣленію матеріальнаго понятія. Въ безчисленномъ множествѣ отношеній человѣка къ вещи, кто владѣлецъ и кто не-владѣлецъ? Для владѣнія недоспапочно удержанія: для сего нужна воля имѣть вещь *своею* (*animus possidendi, rem sibi habendi*). При семъ должно замѣнить. что *animus* означаетъ волю, сознаніе или разумѣніе; и пошому желаніе вещь и не знать, что она у насъ, значить не владѣть ею.

Изъ сихъ понятій слѣдуетъ, что и хозяинъ иногда не владѣетъ, а разбойникъ вещами грабежа владѣетъ юридически. И пакъ владѣетъ: 1) хозяинъ, имѣющій возможность располагать вещію; 2) хозяинъ соб-

свѣнности имущественной (*dominus bonitarius*), (коей истинное значеніе до сихъ поръ еще не опредѣлено); 3) провинціалныя помѣстья, хотя и онѣ также не имѣли характера квинтиской собственности; Юстиніанъ уничтожилъ различіе собственности на квинтискую и имущественную; 4) владѣтель *agri vectigalis*, принадлежащаго Римскому народу, городамъ, жреческимъ коллегіямъ, отдаваемого на сроки, пожизненно, попомѣстному; 5) эмансипа, сравненный Юстиніаномъ съ владѣльцемъ оброчнаго поля, хотя и пошъ и другой собственно не суть владѣльцы: ибо не имѣютъ намѣренія быть хозяевами; 6) кредиторъ не владѣетъ вещами залога, ибо не имѣетъ намѣренія имѣть ихъ своими; однакожъ ему приписывается производное владѣніе, по которому онъ владѣетъ на иппердиктъ, а закладчикъ на завладѣніе.

Что же можетъ быть предметомъ владѣнія? Все, что можетъ быть предметомъ торговаго обращенія (*quae in commercio sunt*); вещи публичныя, общесвѣнныя, священныя и религіозныя предметомъ владѣнія быть не могутъ. Но и лица не всѣ могутъ владѣть: дѣти семейства съ важными исключеніями, рабы, даже свободный, владѣемый за раба. Возможно ли современно цѣльное (*in solidum*) владѣніе многихъ на одинъ предметъ? Римскіе юристы сіе отрицаютъ на основаніи закона непроницаемости тѣлъ; и владѣніе по ихъ мнѣнію есть совершенно исключительное: » *contra naturam quippe est, ut cum ego aliquid teneam, tu quoque id tenere videaris, vel in quo (loco) ego sedes, tu sedere videaris.* »

Римскому юристу столь же чудеснымъ показалось бы видѣть двухъ владѣльцевъ одной вещи, какъ и видѣть другого себя чувственно. Между тѣмъ бывають такіа спеченія отношеній къ вещи, что трудно одного признасть владѣльцемъ ея. Сія трудность между прочимъ обнаруживается въ томъ, когда двое вдругъ пребуютъ инпердикта для защищенія своего владѣнія, а извѣстно, что инпердиктъ сообщается тому, кто проситъ, противъ того, на кого проситъ. На примѣръ, воръ и хозяинъ вещи другъ у друга опнимають вещь и каждый называетъ ее своею. Противъ сего Римляне постановили правило: *superior possessione vincat!* сообществующее Русской пословицѣ: «кто раньше вспалъ, да палку взялъ, потъ и капралъ.» И воръ получаетъ инпердиктъ противъ хозяина, если будетъ просителемъ. Существенный результатъ изысканій Г. Савиньи состоитъ въ слѣдующемъ: *«когда кто не пересталъ владѣть вещію, то приобрести на нее владѣніе не возможно.»*

Можно ли владѣть вещами безтѣлесными, на пр. правами повинностей и т. п.? Римское начало есть слѣдующее: *L. III. pr. de poss. »Possideri autem possunt, quae sunt corporalia.* Эмпирический путь развитія Римскаго Права непременно требовалъ сего начала; но развѣ нѣтъ предметовъ безтѣлесныхъ, кои можно называть собственностію? Личный талантъ Австрійскимъ кодексомъ поставленъ въ правъ вещей, наряду съ естественнымъ приращеніемъ, какъ сила, видоизмѣняющая естественныя продукты природы. Но если они могутъ

быть предметами завладѣнія и повинностей, по не иначе, какъ въ правѣ обязательствъ; одно право на работу рабовъ поставлено у Римлянъ въ правѣ вещей. Владѣніе повинностей принято Римлянами въ качествѣ *акви владѣнія*—перминъ, выразившій у нихъ переходъ изъ чувственнаго міра въ умственный. Владѣніе повинностей называлось не *rei*, а *juris possessio*; напр. пользонаслаждающійся не имѣетъ юридического владѣнія вещи, а, какъ владѣлецъ права, и онъ можетъ защищаться импердикіомъ.

Г. Савиньи дошелъ наконецъ до исторіи Римскаго владѣнія, которая, по моему мнѣнію, должна была предшествовать самому составленію понятія о владѣніи. Откуда взялось у Римлянъ опвлеканіе владѣніе опъ права на вещь и покровительствовапіе его импердикіомъ? Нибуръ удовлетворительно объясняетъ шѣмъ, что у Римлянъ помѣстья были двухъ родовъ: *ager publicus et ager privatus*. Последнее принадлежало въ собственности и защищалось искомъ вещи; а поле публичное, отдаваемое частнымъ людямъ во владѣніе, защищалось только импердикіомъ: ибо не было собственностию владѣльца. Въ послѣдствіи времени пехническое понятіе владѣнія прилагалось къ дарованному изъ милоспіи (*graciatum*) и къ оброчному полю (*agro vectigali*). Но сіе происшествіе подало только поводъ къ составленію пехническаго пермина владѣнія, и можетъ служить только къ поясненію исторической его части, а впрочемъ ничего не значить. Вся Римская теорія владѣнія основана не на исторіи, а на философическомъ воззрѣніи владѣнія. Не

втрояпно, щобъ Римляне начали отвлекать владѣніе отъ собственности только со введенія инпердикта. Опредѣленіе владѣнія у Лабеона указываетъ на первобытное явленіе соетворящихъ силъ чело-вѣка: *«собственность началась владѣніемъ»* (Fr. 1. § 1. D. 41. 2); и вездѣ признаки тѣлеснаго отношенія приводятся къ двумъ условіямъ: взятію рукою и спо-яннію ногою, т. е. къ тому догражданственному со-стоянію, когда количество силъ человѣческихъ уравнивалось съ мѣрою владѣмой вещи. Взглядъ совсѣмъ не историческій, а идеальный!! Отсюда уже по мѣрѣ разширенія физическихъ силъ чело-вѣка разширялось въ своемъ объемѣ и понятіе владѣнія и утон-чалось до чувственнаго воззрѣнія, до желанія предмета. Савини пренебрегъ внутренне-историче-скимъ развитіемъ владѣнія; отъ сего нѣтъ у него вѣрнаго образца для повѣрки условій владѣнія, тогда какъ Римскій юриспруденсъ при каждомъ вопросѣ о дѣйствительности владѣнія допрашиваетъ: рукою держишь ли вещь, а ногою стоишь ли на вещи? Мо-жетъ быть, отъ сего недосыпка ученіе Савини и не удовлетворяетъ требованіямъ нынѣшняго вѣка, чтоо понятія его никакъ не выходятъ изъ очарованнаго круга историческихъ взглядовъ. Желательно, чтоо нибудь изъ философовъ - юриспрудентовъ осно-вательно повѣрилъ Римскую теорію владѣнія форму-лами философической исторіи законодательства.

Слѣдуетъ вопросъ: какъ пріобрѣтается владѣніе? Римскіе юристы отвѣщаютъ: духомъ и тѣломъ (*animo et corpore*). Тѣлесныя условія утончились въ послѣдствіи до того, чтоо многіе считали ихъ только

ко символами взятія вещи; но Г. Савиньи, опровергая сіе мнѣніе, утверждаетъ, что всякой фактъ владѣнія есть признакъ возможности располагать вещью, и вообще сущности. факта есть не прикосновение къ вещи, а физическая возможность располагать вещью. Что касается до тѣлесныхъ условій, то онѣ служатъ только свидѣтельствомъ физической возможности, и сами по себѣ ничего не значатъ: такъ 'связанный веревкой, околъ ни близко касается къ ней, но не можетъ пріобрѣсти владѣнія ея: ибо не можетъ физически располагать. Слѣд. сопри, какъ вышнее условіе, означаетъ всякое вышнее произшествіе въ противоположеніи внутреннему (animo). Тѣлесныя условія не одинаковы въ вещахъ движимыхъ и недвижимыхъ.

Для пріобрѣтенія поля во владѣніе, хотя по споро-
гому условію требуется сполніе ногою на вещи, но
не требуется сполніе на каждой глыбѣ поля: до-
вольно одной возможности заснупишь ногою каждую
глыбу, если будешь угодно. Сіе условіе постепенно
употреблялось: для пріобрѣтенія сосѣдняго поля доволь-
но, чтобы продавецъ показалъ его покупщику съ
балкона; а глоссапоры говорятъ, что, со стороны
тѣлесной, владѣніе можетъ быть пріобрѣтено каж-
дымъ изъ пяти чувствъ, на прим. возрѣніемъ—даже
за 10 миль. Въ пріобрѣтеніи движимыхъ, условіемъ
служитъ взятіе, или только прикосновение къ вещи.
Простѣйшій фактъ пріобрѣтенія движимыхъ, есть
ловля животныхъ, гдѣ тѣлесное условіе требуется,
такъ сказать, во всей его кубичности. По Римскому
Праву животное, даже смертельно раненое и близко

преслдуемое, еще не состоятъ во владѣніи: *multa enim accidere possunt, ut eam (bestiam) non cariatum.* Но чѣмъ далѣе отъ сего первобытнаго способа пріобрѣтенія, тѣмъ болѣе внѣшнее условіе употребляется. Такъ у Римлянъ является пріобрѣтеніе *длинной рукой и короткой рукой* (*longa manu et brevi manu*). Первое есть мысленное взятіе (символическое—полученіемъ ключей отъ дома, погреба и т. п.), второе—когда простое удержаніе вещи обращается во владѣніе. Сіе бываетъ при ссудѣ, вѣреніи и т. п. Внѣшнимъ условіемъ пріобрѣтенія владѣнія служатъ также приспавленіе спражи къ вещи, помѣтка, внесеніе вещи въ домъ, даже въ опсусупствіе самаго пріобрѣтателя безъ посредства внѣшняго прикосновенія, ибо домъ предполагаетъ уже спражу. При семъ не требуется, чтобы домъ былъ его собственныи, ибо спража предполагается и при наемномъ домѣ. Напротивъ хозяинъ отданнаго въ наемъ дома симъ способомъ не пріобрѣтаетъ владѣнія. Симъ положеніемъ объясняется слѣдующее правило Римской юриспруденціи. «Кто владѣетъ цѣльнымъ зданіемъ, то не слѣдуетъ еще, чтобы онъ владѣлъ вещами, въ семъ зданіи находящимися.» Равнымъ образомъ, кто выгонитъ хозяина изъ дому и не будетъ знать, что есть въ семъ домѣ такіа и такіа вещи, то отъ нихъ не владѣетъ. Здѣсь недоспадокъ открываеися во внутреннемъ условіи: *animus deest*. Но что должно сказать о кладахъ? Подъ именемъ клада разумѣется всякая, имѣющая цѣнность, сокрытая вещь, которая въ теченіи времени сдѣлалась ничьею, незапамятною. Сіе опредѣленіе слишкомъ тѣсно для теоріи владѣ-

нія. Для сей послѣдней кладъ есць всякая сокрытая вещь, имѣющая цѣнность, безъ различія, можетъ или не можетъ выискаться ея хозяинъ. Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ ли, чтобъ я приобрѣлъ владѣніе кладомъ попому уже, что онъ зарытъ во владѣемомъ мною полѣ? Здѣсь представляется нѣсколько занимательныхъ случаевъ: 1) когда хозяинъ поля не знаетъ, что въ немъ зарытъ кладъ, то онъ не владѣетъ попому уже, что здѣсь *animus deest*; 2) еслиже знаетъ и хочетъ приобрѣсти въ собственность (*est animus possidendi*), то владѣетъ ли имъ? Хотя въ семъ случаѣ кладъ и походитъ на вещь, внесенную въ домъ, однакожъ до тѣхъ поръ не подлежитъ владѣнію, покуда его не выроютъ—*nisi si loco motus sit*. Между кладомъ и вещію, внесенною въ домъ, разница та, что домъ предполагаетъ спрражу, а поле нѣтъ. По тойже причинѣ, я не владѣю моимъ кладомъ, зарытымъ въ чужой землѣ, не владѣю также и чужимъ кладомъ, зарытымъ въ моей землѣ, доколѣ не вырою его изъ земли. И такъ тѣлесное взятіе и сознаніе суиуть условія всякаго владѣнія. Продолженіе владѣнія, хотя есць повпореніе первоначальнаго момента приобрѣтенія владѣнія, однакожъ онъ разняпся между собою тѣмъ, что для приобрѣтенія владѣнія иребуется дѣйствительность условій, а для продолженія доспапочно возможности воспроизводипъ владѣльческое опношеніе къ вещи.

Второе условіе владѣнія есць *animus possidendi*. Еспественно, кто не имѣетъ способности сознавать и хотѣтъ, тотъ не можетъ приобрѣтать владѣнія. Посему не приобрѣтають владѣнія: юридиче-

скія лица, оставленное наследство, обществу (по недостатку индивидуальности лица), малолѣтныя, сумасшедшіе. Но гдѣ предѣлъ присущества и описущества воли въ постепенномъ развитіи духа? Нѣкоторые допускаютъ, что и младенецъ обнаруживаетъ въ себѣ волю: приобщать, припомъ волю сильную, но — только въ нѣкоторыхъ вещахъ, на прим. въ куклахъ, игрушкахъ, предметахъ едва ли не исключительно дѣтскаго хотѣнія. Но сія сильная воля въ куклахъ не обнаруживаетъ ли, что ребенокъ превратно сознаетъ существенность своего бытія и міръ нравственной дѣятельности переноситъ въ область призраковъ и обмановъ? Опредѣленіе присущества и описущества воли никогда не можетъ быть точнымъ опредѣленіемъ. Распочитель по Римскому праву уподобляется ума лишенному; но кто изъ благоумнѣйшихъ не подвергался минутахъ распочительности? По Римскому праву изъ малолѣтнихъ можетъ приобщать только *pubertati proximus*; и ради пользы младенецъ при посредствѣ опекуна, коего знаніе и воля, присоединившись къ плѣсному взятію малолѣтняго, сообщаетъ ему характеръ владѣнія. Понятно, почему сумасшедшій не можетъ приобщать владѣнія; но какимъ образомъ изъяснить продолженіе до сумасшествія приобщеннаго владѣнія, когда ясно говорится, что для продолженія владѣнія пребудетъ возможность воспроизводить плѣсное и духовное условіе его приобщенія? Савиньи оставилъ безъ объясненія, да и Римская юриспруденція, кажется, о семъ не упоминаетъ.

Чтобъ воля владѣть имѣла дѣйствительность,

для сего пребуется предметъ съ такими свойствами, по которымъ онъ подлежащъ нашему сознанию, какъ вещь особая, определенная: *incertam partem rei nemo possidere potest.* Въ вещахъ реально отдѣльныхъ отдѣльность и индивидуальность очевидна; въ вещахъ идеально определенныхъ определенность пребуется какъ для цѣлаго, такъ и для части, т. е. чѣмъ числитель и знаменатель вещи непременно были извѣстны. Сіе дѣленіе возможно только въ вещахъ, арифметически дѣлимыхъ; напротивъ статуи, каршины, ни физически ни идеально, сами по себѣ недѣлимы. Есть вещи, кои подлежащъ реальной дѣлимости, но остающія субстанціально недѣлимыми, напр. плѣга, коей существенные признаки суть ящикъ и колеса. По opinііи колесъ отъ ящика субстанція плѣги уничтожается. Подобная недѣлимость существуетъ въ недвижимыхъ, состоящихъ въ существенной связи съ движимыми, н. п. домъ и балки, его поддерживающія. Какимъ законамъ подчиняется владѣніе въ случаѣ таковой недѣлимости? *Кто пріобрѣтаетъ владѣніе цѣлаго, тотъ владѣетъ только цѣлымъ, а не каждою частию онаго.* Сіе правило въ особенности важно для права завладѣнія (*usucapio*), которое не одинаково въ движимыхъ и недвижимыхъ. Украденная плѣга не подлежащъ завладѣнію, равноѣрно и колесо, принадлежащее къ ней, хотябы оно было добросовѣстно пріобрѣтено. Напротивъ краденное колесо съ плѣгой, добросовѣстно владѣемой, подлежащъ завладѣнію. Когда же цѣлое разобрано т. е. потеряло свою субстанцію, то каждая составная часть слѣдуетъ своей юриди-

ческой судьбы: для каждой часпи начинается снова владѣніе, такъ что, еслибы цѣлое разстроилось хопя за день до исполненія давности, часпи начинаютъ жить своею жизнью и опдвигаютъ срокъ завладѣнія на нѣсколько лѣтъ. Если же завладѣніе исполнилось для цѣлаго, то и часпи слѣдуютъ его судьбѣ, хопя бы онѣ за часъ присоединились и послѣ получили опдѣльное бытіе. Каждая до срока завладѣнія опдѣленная часпѣ воспріимлетъ свой первоначальный пинпулъ владѣнія: краденое колесо продолжаетъ соспоятъ краденымъ и не подлежитъ уже завладѣнію. Кто владѣетъ домомъ, тотъ не владѣетъ еще шюю или другою балкою, или камнемъ, принадлежащимъ къ дому, иначе онъ пріобрѣтъ бы ихъ по праву давности, какъ вещи движимыя, прежде цѣлаго дома; и такимъ образомъ могъ бы пріобрѣсть цѣлый домъ, что нелѣпо. Хозяинъ и владѣлецъ вещи пріобрѣтаютъ владѣніе поспчасъ по возникновеніи, ибо *» плодъ есть часть дерева. «* Для наемщика и пользонаслаждающагося владѣніе плода начинается по сваяніи его, кошорое должно понимать передачею вещи. Владѣлецъ добросовѣстный оплачивается опѣ наемщика и пользонаслаждающагося пѣтъ, что для него поспчасъ по опдѣленіи плода начинается владѣніе, а для сихъ шюгда, когда они сами его снимутъ. Мы видѣли, что владѣніе приличествуетъ не многимъ; но съ постепеннымъ распроспраненіемъ опношеній лицъ къ вещамъ возникло производное владѣніе, кошорое во владѣтелѣ предполагаетъ не намѣреніе владѣть, какъ своимъ, а только право владѣть, *jus possidendi*. Посему производное

владѣніе вообще не естъ приложеніе правила, а исключеніе изъ правила. Виды такового владѣнія сущъ: 1) хожденіе по дѣламъ или управленіе, ссуда; 2) удержаніе, которое въ эмфитевтъ обращается даже въ настоящее владѣніе; владѣніе кредитора закладомъ, при чемъ сіе владѣніе двоишся: закладчикъ владѣетъ *ad usucapionem*, а кредиторъ *ad interdictum*; но поелику двое вдругъ не могутъ владѣть вещью цѣльно (*in solidum*), то сей предметъ послужилъ поводомъ ко многимъ спорамъ, пакъ чпо нѣкоторые находили въ семъ противорѣчіе Римскихъ юристовъ. Безъ сомнѣнія долженъ одинъ кшо нибудь владѣть по правилу, другой по исключенію. Г. Савиньи говоритъ, чпо кредиторъ владѣетъ по правилу, а закладчикъ по исключенію, и основывается на томъ, чпо залогъ въ древности имѣлъ видъ продажи. Но поелику величина содержанія въ завладѣніи болѣе, нежели въ интердиктѣ, припомъ существенный моментъ владѣнія естъ не интердиктъ, который можетъ и не случиться въ состояніи владѣнія, а воля *rem sibi habendi*; то, по моему мнѣнію, кредиторъ владѣетъ по исключенію, а закладчикъ по правилу. Сего раздѣленія—по правилу и по исключенію—нѣтъ въ Римскомъ Правѣ; но думаю, чпо по опредѣленію владѣнія никакъ не слѣдуетъ, чтобъ кредиторъ владѣлъ по правилу, тѣмъ болѣе, чпо Римляне чувствовали уже нѣкоторое отступленіе отъ правила дарованіемъ кредитору интердикта, и выразили требованіе послѣдовательности мыслей въ положеніи: » *qui pignoris causa fundum creditori dedit, intelligitur possidere* «.

Владѣніе приобретається прямо чрезъ себя и по-

средствомъ другихъ, при чемъ представляются при вопроса для разрѣшенія: что для сего долженъ дѣлать приобретающій владѣніе, что предсавитель его, и какое должно быть между ими отношеніе, для того, чтобы сіе приобретеніе было дѣйствительно? Въ предсавитель прѣбуются тѣже условія, какія и въ самомъ владѣльцѣ, *apinus et cognus*, но не для себя, а для другаго. Если рабъ хочетъ приобрести владѣніе для себя, то никому ни приобретаетъ. Настоящій владѣлецъ долженъ знать, что ему приобретаютъ владѣніе, исключая пипомцевъ, сумасшедшихъ и обществъ. Даже поручившій приобрести владѣніе до тѣхъ поръ не владѣетъ, покуда не узнаетъ объ исполненіи. Впрочемъ сіе соблюдается только въ завладѣніи. Можно приобретать чрезъ дѣпей (подвласныхъ), а въ особенномъ ихъ имѣніи даже безъ вѣдома самихъ родителей, чрезъ рабовъ, находящихся въ бѣгствѣ (однакожъ съ условіемъ, если рабъ не считаетъ себя свободнымъ). При семъ опкрывается вся нелѣпость рабскаго отношенія человека къ человеку: въ приобретеніи для господина рабъ имѣетъ и разумъ и волю, въ приобретеніи для себя ни того ни другаго (вещь): самое черное изъ всѣхъ пачетъ Римскаго законодательства!! Чрезъ рабовъ приобретаютъ даже сумасшедшій и наслѣдство, но только *ex resiliat causa m. e.* изъ даннаго имъ рабскаго имѣнія. Наконецъ 3) приобретается владѣніе чрезъ прѣпорученіе даже тогда, когда прѣпоручатель не знаетъ объ исполненіи своего прѣпорученія; но непременно долженъ знать въ будущемъ, что должно быть приобретено.

Наконецъ мы дошли до *потери* владѣнія. Владѣніе до тѣхъ поръ предполагается продолжающимся, доколѣ не будетъ поперно; слѣд. тѣ, кои разсмапривають продолженіе владѣнія опдѣльно отъ попери, прапашъ напрасно пруды. Какъ владѣніе перяется? — Также, какъ и пріобрѣтается, т. е. духомъ и тѣломъ, нежеланіемъ имѣть вещь своею и невозможно-спію дѣйспвовать на нее физически. Но въ положеніи Пандектъ: » ut (igitur) nulla possessio adquiri, nisi animo et corpore potest, ita nulla amittitur, nisi in qua utrumque in contrarium actum.« Слово utrumque подало поводъ къ разномыслію. Потеря одного изъ условій, необходимыхъ для пріобрѣтенія, доспапочна ли для попери владѣнія? Г. Савиньи на сіе опвѣчаетъ утвердительно, и пускается въ длинныя филологическія изысканія о словѣ utrumque, между тѣмъ вопросъ ясно рѣшается юриспрудентомъ Павломъ. Fr. 3. § 6. D. 41. 2. »Igitur amitti (possessio) et solo animo potest, quamvis acquiriti non potest.« Владѣніе перяется однимъ духомъ, хотя имъ однимъ и не пріобрѣтается.» Владѣніе перяется смерпію, плтномъ, рабспвомъ владѣльца, изключеніемъ вещи изъ торговаго обращенія, пропажей движимыхъ и насильспвеннымъ опнапіемъ недвижимыхъ. Но когда рабъ украдетъ у господина вещь, то симъ владѣніе не перяется, ибо укравшій самъ находится въ помъ же владѣніи. Слѣдспвенно рабъ у господина не крадетъ? Не на семъ ли основано спранное положеніе Римскаго Права, что рабъ бѣгспвомъ не выходитъ изъ владѣнія, хотя живопныя, соспоющія съ нимъ въ одной каперогіи, quodsi desierint revertendi ani-

тут habeat, возвращаются въ первобытное состояніе свободы. Бывшю раба въ наслоящемъ смыслѣ есть кража самого себя!!! Это поже, что я есть не я? Владѣніе теряется также пропажею вещи, что произходитъ посредствомъ переходенія вещи въ такое состояніе, въ которомъ и нее не можно дѣйствовать физически. Если вещь запряхнешя въ моемъ или нанимаемомъ мною домѣ, такъ что не выходишь изъ подъ моей спражи, а между тѣмъ не опыскивается: теряется ли симъ владѣніе? Нѣтъ: ибо спража есть такое обстоятельство вещи, по которому сія послѣдняя, если не теперь, такъ въ будущемъ, можешь быть опыскана при тщательномъ исканіи. Но какъ это согласить съ тѣмъ, что насильно овладѣвшій домомъ не владѣетъ вещами, въ немъ находящимися, если не знаетъ, что онѣ въ семъ домѣ находятся?

Потеря владѣнія въ *недвижимыхъ* причиняется изгнаніемъ силою и даже безъ насилія, когда хозяина въ его помѣсть свяжутъ или запрутъ, когда ему нельзя возвратиться въ помѣстье, или когда онъ бѣжитъ отъ нашествія разбойниковъ. Въ семъ случаѣ хотябы не было нашествія, но какъ скоро хозяинъ оставилъ помѣстье, владѣніе теряется. При нашествіи непріятелей, по Римскому Праву теряется только та часть помѣстья, которая занята непріятелями. На томъ же основана потеря части помѣстья, опорваннаго водою.

Потеря волею. Для продолженія владѣнія не нужно, чтобы каждую минути продолжалось дѣйствіе сознанія и хотѣнія; довольно, если оно временно производится, или можешь воспроизводиться. Но и

сей пунктъ перебуесть глубокаго объясненія, котораго однакожь нѣтъ въ трактатѣ Г. Савиньи. Какимъ образомъ сумасшедшій продолжаетъ владѣть и можетъ ли онъ перясть, если вещь будетъ опяна у него силою? Для попери владѣнія опъ насилія перебуесть сознание владѣльца, что вещь у него опяна, но сдѣлавшійся сумасшедшимъ сознавать болѣе не можетъ. Главное правило: «попъ только можетъ перясть владѣніе волею, кто можетъ хотѣть.» Слѣд. не сумасшедшій, не пипомецъ, не наслѣдство. Искъ вещи (vindictio rei) естъ уже сознание хозяина, что онъ вещь не владѣетъ; однакожь сіе не должно считаться опреченіемъ опъ владѣнія, а только объявленіемъ хозяина, что онъ вещь не владѣетъ, но хочетъ ее возвращишь. Долговременное неупотребленіе вещи не лишаесть владѣнія, развѣ съ достовѣрностію можно полагать, что хозяинъ не хочетъ болѣе владѣть. Владѣніе какъ пріобрѣтается, такъ и перяется чрезъ представителей. Сіе бываетъ двумя способами: 1) когда вещь пропадаетъ п. е. дѣлается ничьею, или поступаетъ во владѣніе другихъ; 2) когда самъ представитель начинаетъ владѣть ею для себя. Къ объясненію перваго положенія служатъ слѣдующія ограниченія. Если не меня выгоняють изъ помѣстья, но выгоняють *молхъ*: прикащика, сына, раба, то владѣніе не перяется. Поперя начинается съ признанія о семъ представителемъ, хотя бы онъ былъ рабъ. Къ объясненію втораго пункта: представитель иначе не можетъ овладѣть вещью владѣльца, какъ посредствомъ упайки и невыдачи ея по пребыванію хозяина. Когдаже представитель умреть или бѣжитъ, и никто изъ

поспороннихъ не овладѣеть вещью, по прежнее владѣніе не перяется.

Интердикты. Ученіе о владѣніи непосредственно соединено съ ученіемъ объ инпердиктахъ: владѣніе производить права, инпердикта защищаютъ ихъ. Инпердиктъ пѣмъ опличаетъ опъ иска вещи, чпо имъ покровительствуются права, основываемыя владѣніемъ, а искомъ права собственности. Въ инпердиктѣ ни слова о судѣ; за то преторская властъ является во всей ея чиспотѣ: »veto, exhibeas, retsituas. Нѣкоторые считаютъ его сокращеннымъ процессомъ въ дѣлахъ, подлежащихъ спору, процессомъ скорымъ, вступительнымъ, по помуже основанію, чпо и владѣніе естъ введеніе въ собственность. Но краткосп инпердикта не такова, какъ ее воображаютъ сн господа: инпердиктъ, упоминаемый въ рѣчи Цицерона про Саесіна довольно продолжителенъ. Г. Савинь въ своемъ журналѣ, разсмапривая *interdictum quorum bonorum*, употребляемый въ силѣ наслѣдства, лучше объясняетъ сей предметъ. Онъ говоритъ, чпо хотя сей инпердиктъ и естъ скорое рѣшеніе (*summarium possessorium*), однакожъ не означаетъ временнаго или вступительнаго рѣшенія. Послѣ него нельзя уже прибѣгать къ обыкновенному прошенію наслѣдства; иначе просьба о новомъ рѣшеніи упраздняется опводомъ рѣшеннаго дѣла (*exceptio rei judicatae*). Между пѣмъ должно согласиться, чпо инпердиктъ и наспоацій судебный процессъ составляютъ два рода процессовъ: скорый и медленный. Просипель могъ избрать любой изъ нихъ, но въ обоихъ равно пребывались доказательства. Конечно, опредѣлишь, чпо владѣеть или

кто владѣть гораздо легче, чѣмъ доказать, кто на-
стоящій хозяинъ вещи. Импердиктъ сперва считал-
ся *обыкновеннымъ* судомъ, а дѣла о собственности
необыкновеннымъ; но при Императорахъ сии послед-
нія дѣлались обыкновенными, а импердиктъ предвари-
тельнымъ процессомъ. При Юстинианѣ различіе ме-
жду ними уничтожилось. Въ импердиктахъ самая
занимательная часть права составляетъ рѣшеніе во-
проса: кто долженъ владѣть вещію до окончанія
спора? Въ семъ-то пунктѣ чувствуется особливо
обширность и глубина Римской теоріи владѣнія, ко-
торая во многихъ мѣстахъ покажется намъ Русскимъ
слишкомъ упущенною.

Г. Савиньи оканчиваетъ свой трактатъ Исторіей
Римскаго понятія о Владѣніи у новыхъ народовъ, ко-
торые вмѣстѣ съ прочими элементами Римско-
гражданской жизни приняли и юридическія опвлечен-
ности права. Но сии юридическія истины терпѣли
примѣсь Каноническаго Права и Германскихъ нравовъ,
такъ что владѣніе, оставаясь въ сущности Римскимъ,
чрезвычайно распространило область предметовъ,
подъ него подходящихъ. У Римлянъ владѣніе относи-
лось къ вещамъ или къ правамъ въ вещи, а у новыхъ
народовъ даже къ личнымъ и политическимъ правамъ:
управленію церкви, нравотѣпению (*iurisdictio*), владѣ-
нію областями или княжествами, къ помѣстнымъ
трибуналамъ, барщинамъ и десятинамъ. По понятію
среднихъ вѣковъ, можно имѣть владѣніе епископства,
судной расправы и проч. Сіе повсюдное разширеніе по-
нятія владѣнія естественною произлоило оипъ наспроен-
ности общества все обращаѣ въ вещь, равно какъ

и право въ вещи обращать въ права личныя. «Кто владѣлъ землею, пошѣ владѣлъ и жилищемъ.» Г. Савиньи говоритъ, что новыя юриспы такъ прилагали Римскія понятія къ новымъ предметамъ, что сами Римляне не отказались бы сдѣлать тоже, еслибы имъ предложены были предметы тогоже содержанія. Но это не совсѣмъ кажется справедливымъ. У Римлянъ Частное Право вездѣ сохраняло свою чистоту и разнѣшнѣйшимъ образомъ отдѣлено отъ другихъ правъ. Нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы они прилагали понятіе владѣнія къ полипическимъ должностямъ и правамъ вообще, хотя и у нихъ легко могъ возникнуть вопросъ: «кто долженъ удерживать мѣсто въ случаѣ спора при равныхъ правахъ, занимающій или домогающійся?» Римское владѣніе, начавшись съ положенія: *possideri autem possunt, quae sunt corporalia*, доведено до права на работу рабовъ; ибо воля рабовъ только относилась къ праву вещественному, а личность Римскаго гражданина пугалась даже тѣни вещественности. Новѣйшимъ временамъ свойственно разложить личность человека на субъективную и объективную. Австрійскій Кодексъ, сообразно началу полипической экономіи, поставилъ личный талантъ въ правѣ приращенія и симъ подчинилъ его понятію владѣнія. Гегель отдѣльные акты воли относитъ къ вещамъ опчуждаемымъ—акты воли, къ конпорымъ, по выраженію его, невещественная спорона духа сдѣлалась равнодушною; напротивъ совокупность всѣхъ актовъ духа, составляя какъ бы цѣлостъ въ его подлежащемъ состояніи, не входитъ въ составъ вещей опчуждаемыхъ. Такъ пожизненная работа,

вѣчная кабала, низводятъ духъ до вещества, и поэтому противорѣчаютъ понятію лица.

Импердикты въ среднихъ вѣкахъ явились въ видѣ *Spolienklagen*, къ коимъ подложныя Декреталіи Исидора примѣшали много новыхъ положеній. Введенъ *possessorium summariissimum* для отвращенія всякаго насилія въ спорахъ о владѣніи и для опредѣленія, за кѣмъ должно оспаться владѣніе впредь до рѣшенія дѣла, наконецъ секвестръ, существующій во всѣхъ Европейскихъ законодательствахъ. Въ средніе вѣки импердиктами названы акты отлученія отъ Церкви, употребляемые Папой противъ Государей, городовъ и цѣлыхъ областей.

Во всѣхъ Европейскихъ законодательствахъ, основанныхъ на краеугольномъ камнѣ Римскаго Права, владѣніе спонитъ отвлеченно отъ собственности; но обширность его развитія далеко не равняется съ Римскою. Нѣмецкая юриспруденція основана на тѣхъ подробностяхъ, кои лежатъ на периферіи ученія Г. Савиньи. Что касается до началъ, то онѣ далеко не собраны въ юридическій фокусъ: Римское ученіе заключаетъ ихъ разлитыми, а Гегелева философія, отъ которой можно многого ожидать для юриспруденціи (по уваженію ея къ историческому развитію идей), держится еще на общихъ положеніяхъ права владѣнія. Успѣхи политической экономіи, уже постигающей психологическіе законы образованія и потребления богатствъ, въ будущемъ должны превзойти практическій тактъ Римскихъ экономистовъ и права вещей представитъ въ тѣхъ величественныхъ пропорціяхъ науки, какія способна принять сія часпъ

юриспуденціи. Что касается до нашей опечесствен-
ной юриспуденціи, то безъ погрѣшности можно ска-
затьъ, что она слишкомъ опспала опъ исполнска-
го спѣянiя самаго законодательсва. Я опдѣляю
юриспуденцію опъ законодательсва. Можно взятьъ
Кодексъ Фридриха Великаго, признатьъ его для себя
закономъ; но будепъ ли изъ сего слѣдовать способ-
ность нашихъ юрисповъ часпныя положенiя сиспе-
матически выводипъ изъ пѣхъ началъ, изъ конхъ
выводили ея Прускіе юриспуденцы? До сихъ поръ
Русская юриспуденція воспитывалась при каедрѣ
Римскаго Права. Чпобъ убѣдипся въ семъ, спонипъ
взглянупъ на Часпное Право Вельяминова Зернава, со-
чиненiя Г. Дегая и другихъ весьма немногихъ. Между
пѣмъ рѣдкіе признаютъ пользу изученiя Римскаго Пра-
ва для Россiи; и пѣмъ больше видѣпъ, что сей не-
проспительный предразсудокъ къ споль глубокой и
благодѣтельной наукъ, былъ поддерживаемъ людьми,
назначенными содѣйствовать сиспематической любо-
зательности молодыхъ Россiанъ. До сихъ поръ мо-
лодые люди съ посредспвенными способностями или
съ пракпическимъ направлениемъ предавались Русскому
законознанiю; люди, съ высшими поспребностями ду-
ха, полипической экономiи и исторiи. Въ особеннсп
последняя, превосходно поддерживаемая преподавателя-
ми, увлекла на свою сторону самые дѣшпелные па-
ланпы и недоспапокъ фисолофическихъ идей возна-
граждала сырыми продуктами умспвенной дѣшпель-
ности. Молодые люди начали учипся фисолофiи изъ
исторiи; опъ сего спрудъ, крипика, осмошрипель-
ность въ своихъ знанiяхъ, умѣренность въ мысленiи.

дѣлательно распространяются. Но кромѣ Римскаго Права, я не знаю науки, которая бы столько была способна сообщить уму презвось, положительность, трудолюбіе, и обуздашь на самое упрямое воображеніе.

Θ. Морошкинѣ.

VI.

Л И Т О П И С И

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

— КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПИЕАГОРЕЙСКОЙ ФИЛОСОФІИ. *Санкт-петербургъ*, 1832.

По цензурѣ книги и по вѣрности философической терминологіи, правильности и точности слога, можно съ достовѣрностію заключить, что Исторія Пиеагорейской Философіи одолжена своимъ бытіемъ на Русскомъ языкѣ ученому переводчику Логикѣ Бахмана, которая по своему богатому объему, обширности (хотя и не глубинѣ) взгляда и опредѣленности психическихъ положеній, такъ хорошо удовлетворяетъ потребностямъ настоящаго времени. Благодареніе всеобщей перпинности! Духовныя Академіи начинаютъ жить и для общества. Дорическое племя наукъ, уединенное, разобщенное съ жизнью, отчасти нелюди-мое, племя полемико-схоластическое, господствовавшее до сихъ поръ въ Духовныхъ Училищахъ, начинаетъ сближаться съ илеменемъ Ионическимъ, одареннымъ изящнымъ вкусомъ, тонкою и быспрою приемиемостію. Въ Пирѣ изродной липе-

рашуры песпрыюць суровыя созданія Лаконін; жельз-
ная монета Аристотелевской діалектики успупаець
мѣсно чысному золоту современной монархіі на-
укъ.

Исторія Пиеагорейской Философіі взята изъ Все-
общей Исторіі Философіі *Риттера*, автора, оплача-
ющагося ясностію въ изложеніи и вѣрностію кри-
пическаго таііа. Публикуя ученіе Пиеагора, пере-
водчикъ, кажецца, думалъ приготоовить путь къ изу-
ченію благороднѣйшаго Эллінскаго ученія Платона,
который Пиеагорейскія числа перевелъ на языкъ идей.
»Не зная ученія Пиеагорейскаго « — говоритъ онъ
въ предувѣдомленіи — »не лзя понимати во многихъ
пунктахъ ученія Платонова, главнаго разсадника
всѣхъ послѣдующихъ Греческихъ системъ.« Свѣта
Іоническая, успремившаяся по спихійно-физическому
направленію, была толькo приготоовленіемъ къ на-
стоящей Греческой философіі. Первая истинно Гре-
ческая философія безспорно принадлежитъ Пиеагору.
Онъ, какъ ушверждаетъ Риттеръ, безъ помощи Еги-
петскихъ пзійныхъ ученій, первый обнялъ вселенную
глазомъ философа. Хотя въ немъ еще виденъ жрецъ
воспока, мистическая таинспвенность, присущіе
высшей силы въ предначертаніяхъ воли и дѣйсвіяхъ;
вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно и біеніе мысли, изливавшейся
изъ испочной, одинокой монады оріентализма въ
свѣплый попокъ Греческой жизни. Мысль, прикованная
къ сполпамъ храмовъ, осужденная на вѣчное томленіе
въ душныхъ символахъ Египта, изпорглась изъ глухой,
незримой бездны вѣрованія, и свѣплюю спруею допек-
ла по періодамъ развивающагося человѣчества. Лич-

нось Пиеагора покрыва еще прозрачнымъ покровомъ Скиновъ, а ученіе подчинено символикѣ; знакъ, что философъ близокъ еще къ вѣкамъ вѣрованія. Но въ поже время символика его уже не естъ покоющееся проспранство, а движимось числѣ, поспроевающихся во времени одушевленную вселенную. Пиеагоръ еще полуоракулъ, изрѣченія его безошечныя истины, непреложныя правила (*αὐτός ἔφα, самъ сказалъ*); но вмѣстѣ съ тѣмъ ученіе его переливается въ святилище духа силу возвышающаго чрезъ самого себя до гармоніи пворенія и до прозрѣнія въ внутреннюю связь вещей. Пиеагорово ученіе относится къ героическому періоду философіи, когда мысль мудреца пользовалась правомъ восполнять скудость свою живыми созданіями фантазіи. Пиеагоръ естъ Греческій Зороастръ, благороднѣйшее выраженіе Европейской мысли, какъ въ послѣдствіи Платонъ былъ числѣйшимъ ея выраженіемъ. Въ Зороастровомъ ученіи числая жизнь является опрѣщеннымъ свѣтомъ, опвергшимъ всѣ законы символическаго построения: у Пиеагора, напропивъ, началомъ всемірной жизни представляется средопочный и периферическій огонь, *ража Зевесова, Зевесова твердыня, всемірный алтарь устроившійся прежде прочихъ частей міра, блюстителъ порядка въ міръ*. У Зороастра тема жизни естъ свѣтъ, безконечная разширяемость въ проспранствѣ; у Пиеагора—гармонія—идеаль Европейской жизни въ преемствѣ времени! Тамъ седмерица числѣхъ духовъ окружаетъ свѣтлый престолъ Оромазда; здѣсь единица, возраждая саму себя какъ чрезъ вдыханіе внѣшней дущины, слагаетъ сферическую вселенную,

гдѣ периферическія пѣла предносятся предъ своими центрами по музыкальнымъ законамъ въ спройномъ чинѣ и гармоніи. Небесныя пѣла движеніемъ своимъ производятъ звуки; но мы ихъ не слышимъ, потому ли, что сія гармонія своею огромностію заглушаетъ насъ, или потому, что мы поглощаемся ею; она въ насъ, но чувствительность препятствуетъ слышать ее. Опекода, повидимому, одинъ только шагъ къ Сократсамосознанію - демоніону и Неоплатоническому посредственному прозрѣнію въ сущность вещей. Но сколь ни глубоко сіе ученіе, однакожь оно есть только прообразование того неимовѣрнаго углубленія въ бездну духа, какое открылось въ Александрійской философіи. Пифагорейская система числъ, спранная по своему приложенію, но въ соединеніи съ идеями Платона заняла собой, огромный періодъ жизни древняго міра; она примкнула къ себѣ всѣ виды спранспвующаго идеализма и какбы павела широкій мостъ нашеспвію Азійскихъ идей на Европу. Спиноза и Шеллингъ, еще зародышами, но уже сущеспвуютъ въ Пифагорейской Киновіи.

Число, по ученію Пифагора, составляетъ сущность вещей и по мѣртъ удаленія своего отъ единичной проспопы (безъ различія чепа и нечепа) возраспааетъ въ своемъ количеспвѣ; каждый предметъ есть не что иное, какъ число, какъ степенъ распоянія отъ первоначальной единицы. Единица - точка, двоица (символь распри и наглоспи) - линія, проица - плоскость, чепверица - геомеприческое пѣло, корень и испочникъ приснопекущаго еспества, пяперица - физическое пѣло со всѣми его качеспвами, шесперица и седмерица - распенія и живошныя, окшава (контра-

понец-самосознание поновъ), девятиперница-человѣкъ, какъ гармоническое число, десятокъ-вся сущность числъ, численная полноца, и какъ сумма $1+2+3+4$, выражающъ цѣлостъ творенія, сферу, совершеннѣйшее проявленіе бытія. Десятокъ есть возвращеніе чиселъ къ первоначальной единицѣ. Элементы міра суть единицы и пустоца. Первое единое или нечетъ, начало перожденное, искони окружено пустоцою; единица и пустоца имѣютъ взаимное влеченіе къ вліянію. Единица есть опредѣляющая почка (предѣлъ); она вливается, вбираетъ въ себя ближайшее къ ней неопредѣленное и ограничиваетъ, опредѣляетъ его. Сей актъ Пифагорейцы называютъ вдыханіемъ неопредѣленного и просто *вдыханіемъ неопредѣленнымъ*. Посредствомъ сего вдыханія входитъ въ міръ пустоца и разграничиваетъ вещи, единица раздробляется на множество. И такъ *предѣлъ* служитъ символомъ начала, дѣятельнаго источника истиннаго совершенства вещей. Сливаясь съ неопредѣленнымъ, предѣлъ раздробляется на множество; но въ сущности своей остается единымъ, неизмѣннымъ, неподвижнымъ, самому себѣ равнымъ. Оба противоположныя начала равно самобытны и неразлучны; два дѣятеля, коими поддерживается одинъ жизненный процессъ — мірообразование.

Отдадимъ должную благодарность безкорыстному труду переводчика (кто изъ свѣтскихъ людей займется Пифагоромъ?) Однакожь считаемъ долгомъ замѣнить, что опрывокъ изъ исторіи философіи не принесетъ столько пользы, какъ цѣлая исторія. Желательно, чтобы почтенный переводчикъ, обладающій (какъ вид-

но изъ его трудовъ) превосходными средствами передавать Россіи лучшія произведенія ученой Германіи, сдержалъ свое слово: «сообщать публикѣ и другіе опыты своихъ занятій по исторіи философіи.» Чѣмъ же кажется до одобрительнаго вниманія чинашелей, то, кажется, пора надѣяться. Русская публика идетъ впередъ; даже не прочь опытъ философіи, когда она являея предъ нею въ легкой Французской одеждѣ. Почтенный переводчикъ, кажется, предпочтительно любилъ Греческую Философію; пусть же онъ сообщитъ публикѣ исторію ея до Прокла включительно. Чѣмъ же публика ее прочла, довольно напомнитъ, что самъ Кузень лучшія лѣта жизни провелъ надъ Философіей Платона и Прокла.

М.

VII.

НИБУРЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Карсень Нибуръ а) родился 17 Марша 1733 года въ Гаделнскомъ Кантонѣ, составляющемъ часть Фрисландіи. Отецъ его былъ довольно зажиточный фермеръ, владѣвшій собственными землями, которыя обрабатывалъ съ большимъ успѣхомъ. Молодой Нибуръ лишился матери въ самомъ южномъ возрастѣ, и не смотря на то, что ранняя смерть ея и немѣніе кормилицы лишили его необходимой для дѣтей пищи — груди, былъ крѣпкого и здороваго сложенья. Нибуръ былъ воспитываемъ матиною, въ

а) Отецъ автора Римской Исторіи, коему посвящена *Исторія Рускаго Народа*. Изд.

домъ своего опца; его занятія, пища и образованіе были во всемъ согласны съ его состояніемъ. Вѣроятно однако, что обнаружившееся въ немъ сильное стремленіе къ наукамъ внушило спарому Нибуру мысль опдасть его въ Оппендорфскую, а послѣ въ Алтенбургскую школу, для изученія Латинскаго языка. Но смерть опца и предразсудки опекуна прервали первоначальныя его занятія; и, не имѣя еще довольно времени для пріобрѣтенія достаточныхъ свѣдѣній, онъ вскорѣ забылъ все, чему имѣлъ случай научиться прежде. Потомъ онъ самъ собою началъ изучать музыку, въ намѣреніи сдѣлаться органистомъ; но опекуны не одобрили и сей планъ занятій; и его дядя съ матерней стороны въ продолженіе чепырехъ дѣтъ заставлялъ его поспоянно заниматься сельскими работами.

Непредвидимыя обстоятельствова, указывавшія знаменитымъ людямъ ихъ назначеніе, по всей справедливости заслуживаютъ наше вниманіе. Сія обстоятельствова, направившія Нибура на попу пупъ, которыми онъ шелъ въ продолженіе всей своей жизни и на коемъ онъ явился первымъ спрансповапелемъ своего времени, были весьма необыкновенны. Для рѣшенія ппажбы о гумнѣ, принадлежавшемъ одному хупору, необходимо нужно было прібѣгнуть къ помощи геометрин; но какъ во всемъ Гаделнскомъ Кантонѣ не находилось ни одного землемѣра, шо правительство принуждено было пригласить онаго изъ сосѣднихъ спранъ. Нибуръ, въ патристической досадѣ, почипая униженіемъ для своей родины неимѣніе

людей свѣдущихъ въ геометріи, рѣшился возстановить честь своего отечества въ семъ отношеніи. Онъ уже былъ на возрастѣ; узнавъ, что въ Бременѣ обучають практической геометріи, онъ отправился въ сей городъ. Тщешное предпріятіе! Учитель, на коего онъ надѣялся, умеръ. Нибуръ рѣшился было учиться у землемера; но надобно было жить у него въ домѣ, а нашъ молодой селянинъ, робкій, недюдимый и недовѣряющій самому себѣ, нашелъ въ семъ домѣ двухъ молодыхъ особъ, сестеръ будущаго своего учителя, которыя ему показались слишкомъ развязными, а потому онъ, ни на что не рѣшившись, поспѣхъ возвратился въ свою ферму, и наконецъ отправился въ Гамбургъ, гдѣ наконецъ нашелъ то, чего искалъ. Онъ сдѣлалъ также нѣкоторыя успѣхи въ Латинскомъ языкѣ, но не выучился по Гречески, въ чемъ послѣ весьма раскаялся.

Онъ началъ изучать математику подъ руководствомъ Бюша и былъ отличнѣйшимъ ученикомъ сего ученаго мужа, къ коему сохранялъ всегда искреннюю дружбу. Остановившись на половинѣ пути—было не въ духѣ Нибура. Прибывши въ Гамбургъ для изученія геометріи и нѣкоторыхъ другихъ наукъ и ознакомившись однажды съ ихъ началами, онъ уже захотѣлъ вполне изучить оныя; а въ слѣдствіе сего въ 1757 году отправился въ Геттингенъ. Математика все еще была главнымъ предметомъ Нибура; но поелику уменьшеніе небольшого его наследства принудило его искать себѣ денежныхъ пособій, то онъ рѣшился вступить въ Ганноверскій Инженер-

ный Корпусъ; здѣсь, какъ уже на границѣ Германіи, люди опытные въ математикѣ были довольно рѣдки, и помощію палантовъ своихъ и прилежанія могли надѣяться на счастливое поприще.

Графъ Берншпорфъ, первый Министръ Короля Датскаго, вознамѣрившись отправить ученую экспедицію въ Палестину и Аравію, поручилъ Михаелису найти людей, которые бы по ихъ образованности и физическому сложенію способны были къ шаковому путешествію. Михаелисъ обратился къ Кеспнеру, Директору Геттингенскаго Общества Наукъ; а сей послѣдній, будучи знакомъ съ Нибуромъ, предложилъ ему предпринять путешествіе въ Аравію на счетъ Его Датскаго Величества. Нибуръ съ удовольствіемъ принялъ сіе предложеніе, но изъяснилъ опасеніе, что онъ не довольно надѣется на ученыхъ свои свѣденія; Кеспнеръ его успокоилъ, сказавъ, что онъ будетъ еще имѣть довольно времени для приготовленія себя къ путешествію и особенно для занятія аспрономіею съ помощію Майера. Михаелисъ далъ ему срокъ осьмнадцать мѣсяцовъ для приготовленія; и съ началія сего срока ему подожено было жалованье. Съ того времени Нибуръ посвящалъ все свое время для исполненія своего назначенія. Онъ продолжалъ заниматься чистою математикою, усовершенствовался въ рисовальномъ искусствѣ и старался приобрести всѣ историческія свѣденія, какія только могъ почерпнуть въ приготовительныхъ и поверхностныхъ своихъ занятіяхъ. Кромѣ того онъ изучалъ практическую механику и разные мыльные эксперименты, которые въ Европѣ казались бы излиш-

ними для пѣхъ, кои не назначаютъ себя къ нимъ исключительно. Два предмета всего болѣе приковывали къ себѣ его вниманіе: Арабскій языкъ, коему онъ обучался у Михаелиса, и Астрономія, которую преподавалъ ему Майеръ. Должно замѣтить, что онъ не имѣлъ почти никакого расположенія къ изученію грамматикъ; но всего болѣе его отвращало отъ ней то, что послѣ многихъ мѣсяцовъ занятій, онъ едва только могъ переводить начальныя басни Локмана, что было слѣдствіемъ небрежности Михаелиса, который впрочемъ, какъ послѣ замѣтилъ и самъ Нибуръ, не имѣлъ большихъ свѣдѣній въ Арабской филологіи и грамматикѣ. Въ слѣдствіе чего Нибуръ отказался отъ сихъ занятій; за что Михаелисъ всегда имѣлъ на него неудовольствіе.

Майеръ, безъ сомнѣнія, былъ ученымъ Нѣмецкимъ астрономомъ и математикомъ своего времени; онъ съ такою же ревностію преподавалъ сіи науки Нибуру, съ какою сей послѣдній старался изучать оныя подъ его руководствомъ. Учитель и ученикъ вскорѣ сдѣлались искренними друзьями; Нибуръ, окончивъ приготовительныя свои занятія, прибылъ въ Копенгагенъ, гдѣ былъ очень благосклонно принятъ Графомъ фон-Бернсторфомъ, который ввѣрилъ ему суммы, назначенныя для издержекъ въ путешествіи. Фон-Гагенъ, одинъ изъ членовъ экспедиціи, человекъ гордый, но не имѣвшій никакого прочнаго образованія, былъ очень несвѣдущъ въ языкахъ; но Форскель, образованнѣйшій изъ всѣхъ сопутниковъ Нибура, прославилъ бы имя свое въ ученыхъ лѣтописяхъ Европы, еслибы судьба дозволила ему возвра-

пипься на родину. Изъ числа прочихъ членовъ экспедиціи, Докпоръ Крамеръ имѣлъ весьма мало способностей, а рисовщикъ Бауренфейндъ, человекъ впрочемъ весьма ограниченный, также былъ хорошо знакомъ съ своимъ искусствомъ, но склонность къ пьянству скоро прекратила жизнь его.

Экспедиціи должно было отправиться на линейномъ кораблѣ Гренавидѣ, назначенномъ къ опплышю въ Средиземное Море; но корабль сей не прежде могъ выступить въ путь, какъ 10 Марта 1761 года. Нѣсколько недѣль, проведенныхъ въ Марсели, и почти столько же въ Мальтѣ, доставили нашимъ путешественникамъ весьма пріятныя минушны. Сіе ученое предпріятіе извѣстно было всей Европѣ, и мы съ трудомъ можемъ представить себѣ участіе, принимаемое въ немъ публикой, и вниманіе, которое оно оказывало ученымъ спрансповашелямъ. Таковаго рода экспедиція не была единственной: ибо она совершенно согласовалась съ духомъ XVIII вѣка. Король Сардинскій посылалъ на Востокъ несчастнаго Донапи; Азія сдѣлалась извѣстною Европейцамъ по случаю войнъ, производимыхъ въ ней двумя первѣйшими морскими державами того вѣка. Англичане также около сего времени предпринимали свои путешествія вокругъ свѣта для новыхъ открытій. Въ Мальтѣ, Рыцари оказывали Нибуру необыкновенное вниманіе, въ надеждѣ по возвращеніи экспедиціи обратиться его въ каподическую вѣру.

Въ теченіе цѣлаго года, начиная съ Сентября 1761 до Октябрия 1762, экспедиція оставалась въ Египтѣ и Нибуръ съ Форскелемъ и фон-Гагеномъ обозрѣвалъ

Синайскую гору; однако наши путешественники не углублялись во внутренность Египта далѣе Каира. Посредствомъ лунныхъ наблюдений, Нибуръ опредѣлилъ долготу Александрии, Каира, Рашида и Даміэппы. Точность сего опредѣленія возбудила удивленіе ученыхъ, составлявшихъ отправленную Наполеономъ экспедицію въ Египетъ. Они также изумлялись исправности карты обоихъ береговъ Нила и плана Каира, начертанныхъ съ величайшею опасностію среди фанатической черни Египетской.

Имень былъ истинною цѣлю ученаго общества, къ коему принадлежалъ Нибуръ. Фон-Гагенъ и Форскелъ окончили тамъ жизнь свою въ 1763 году; прочіе члены достигли Англійской Индіи. Прибывъ въ Бомбай, Нибуръ награждалъ Англичанъ за ихъ госпепринимство карпою Краснаго Моря, гдѣ означены были берега, еще допущъ неизвѣстные Англійскимъ мореплавателямъ. Чѣобы возвратиться въ Европу, нашъ путешественникъ долженъ былъ пройти пѣшкомъ всю твердую землю Азіи. Три путешественника, посѣдившіе прежде Нибура страны сіи, съ достаточною точностію срисовали развалины Персеполиса и находящіяся тамъ надписи и барельефы. Сіи снимки возбудили въ высокой степени любопытство Нибура: онъ видѣлъ въ нихъ знаменитѣйшіе памятники Воспока. Чѣмъ болѣе онъ приближался къ Персеполису, тѣмъ сильнѣе возрастало въ немъ желаніе увидѣть сіи знаменитые остатки великолѣпія могущественнѣйшихъ государей, пакъ что, опы неперпнїя, картина сихъ развалинъ оспалась глубоко напечатлѣнною въ его памяти. Ни одинъ изъ предметовъ, видѣнныхъ имъ въ продолженіе жизни, не

оставилъ въ немъ сполъ сильнаго впечатлѣнія, какъ Персеполисъ. Нибуръ провелъ около двадцати пяти дней въ пущи средѣ сихъ развалинъ и все это время употребилъ на измѣреніе памятниковъ и на снимку вѣрныхъ съ нихъ рисунковъ. Надписи, украшавшія стѣны во всю вышину ихъ, не иначе могли быть читаны, какъ въ то время, когда лучи солнца падали на нихъ сверху; и поелику надписи сія были вырѣзаны на мраморныхъ, сполъ гладко выполированныхъ, камняхъ, что даже въ печеніе сполъ многихъ вѣковъ сохранили весь блескъ свой, то въ глазахъ Нибура, упомянутыхъ сею посполною работою, открылось весьма опасное воспаленіе. Сіе несчастіе, вмѣстѣ съ смертію находившагося у него въ услугахъ Армянина, къ крайнему огорченію Нибура, заставило его оставить древнее святилище Персовъ, не окончивши снимковъ со многихъ весьма нипересныхъ памятниковъ.

Около половины 1767 года, Нибуръ возвратился въ Давію и былъ тамъ осполчно принятъ. Будучи казначеемъ экспедиціи, онъ долженъ былъ дать отчетъ въ деньгахъ Министру, Графу Бериспорфу; по исчисленіи оказалось, что издержки сего путешествія составляли 21,000 рейхсгалеровъ или около 100,000 франковъ. «Академія Надписей и Изящной Словесности» — говоритъ сынъ Нибура — «предложила отцу моему многіе вопросы, въ коихъ видна была истинная восточная филологія, съ давняго времени дѣлающая честь Франціи; но вопросы Михаелиса не были сполъ удовлетворительны.» Рязкость сего мнѣнія, кажется, должно приписать прежнему неудовольствію, сохранившемуся еще въ сердцѣ Нибура.